

# КОСТЁР

3

ЖУРНАЛ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОК И ГК ВЛКСМ 1943



П 29

41

# КОСТЁР

3

МАРТ

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ЛЕНИЗДАТ ★ ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМПЛЕКС ★ 1943 ★ ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ



**АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ГОРЬКИЙ**

Семьдесят пять лет тому назад, 28-го марта 1868 года родился великий русский писатель Алексей Максимович Горький. Он страстно любил свою родину и всем сердцем, всей душой ненавидел врагов человечества и культуры — фашистов.

Алексей Максимович был нежным, заботливым другом советских детей.

Пусть же его произведения — рассказы, сказки, повести, пьесы — будут твоими неизменными спутниками в жизни, молодой читатель!

★



# РУССКАЯ ПЕХОТА



**П**ехоту называли „дарицей сражений“. Верно ли то название сейчас? Да, верно.

На территории врага можно сбрасывать бомбы с самолетов, можно обстреливать ее артиллерийскими снарядами, но занять неприятельские укрепления, уничтожить живую силу врага может только пехота. Она может всюду пройти, все занять, все удержать. Все остальные рода войск помогают пехоте в её боевой работе.

Наша красная пехота обладает высокими боевыми качествами, она впитала в себя весь опыт прошлого. Она сохранила героические традиции былых походов и боев.

История русской пехоты начинается с историей нашей родины. Еще в 911 году Киевский князь Олег вёл войну с Византией. В этой войне победили русские. Они разбили войско византийцев, и в знак победы русский князь прибил свой щит на воротах Царьграда — столицы Византии. Так русский щит — прикрытие пехотинцев в бою против копий, мечей, топоров — озаменовал эту славную победу русской пехоты.

Уже в те далёкие времена русская пехота отличалась высокой дисциплиной, храбростью, упорством и выносливостью.

Знаменитый полководец X века Святослав со своей пехотой также совершал дальние переходы и одерживал победы над врагами. Однажды его армия была окружена греками — византийцами в Доростоле. Тогда, собрав, воинов на совет, князь сказал:

„Выбирать нам не из чего. Волей или неволей, мы должны драться. Не посрамят же земли русской, поляжем костями, мертвые бо срама не имут. Станем крепко. Я пойду впереди вас, и если глава моя ляжет, то промыслите собою“ (то-есть — поступайте, как покажется лучше). И все воины Святослава решили победить или умереть со славой.

И так доблестно дрались тогда русские, что греки вынуждены были пропустить русских.

Упорство, храбрость, беззаветная преданность родине, презрение к смерти — вот что помогало русским пехотинцам одерживать победы в их борьбе с немецкими рыцарями, с полчищами Хана Мамай и позже во время великой Северной войны.

Великий русский полководец Суворов начал свою службу „нижним чином“ — солдатом, в пехоте, в гвардейском Семеновском полку. Он стал изучать военное дело с пехоты, как главного и основного рода войск. В войне 1756—1763 гг. русская пехота отличалась в сражениях и наносила считавшейся лучшей в то время прусской армии одно поражение за другим. Уже в битве при Цорндорфе прусский король Фридрих был поражен храбростью русской пехоты. Даже разобщенные кавалерийской атакой пруссаков на отдельные кучки русские гренадеры не сдавались и не бежали. Они становились спинами друг к другу и оштынивались штыками. Так сопротивлялись они пока была какая-нибудь возможность или же умирали, не отступая ни на шаг. После этого боя Фридрих II сказал: „Этих людей скорее можно перебить, чем победить“. Через год русские пехотинцы наголову разбили Фридриха II при Кунерсдорфе. В следующем году отборная русская пехота уже штурмовала берлинские бастионы. После этого сражения русские торжественно, с развевающимися знаменами вступили в немецкую столицу.

Обученная, преобразованная Суворовым русская пехота не знала поражений. Русская пехота своим могучим штыковым ударом могла сломить сопротивление сильнейшего неприятеля, остановить вражескую конницу, совершить переход по непроходимым кручам, обойти неприятеля, чтобы неожиданно и стремительно броситься в атаку.

Эти блистательные победы стяжали ей заслуженную славу и позволили Энгельсу сказать, что „русские солдаты являются одними из самых храбрых в Европе“. И так же храбро, стойко, как во времена Суворова, как в Отечественную войну 1812 года, сражался русский пехотинец во время мировой и гражданской войн.

Наша славная пехота била врага всюду — и на горах и в долинах, на льду озер, брала штурмом и сухопутные и морские укрепления, и с суши и с моря. И так храбро, стойко и мужественно, как и сотни лет назад, сражается теперь пехота Красной Армии с озверелыми врагами, посягнувшими на честь и свободу нашей Родины.

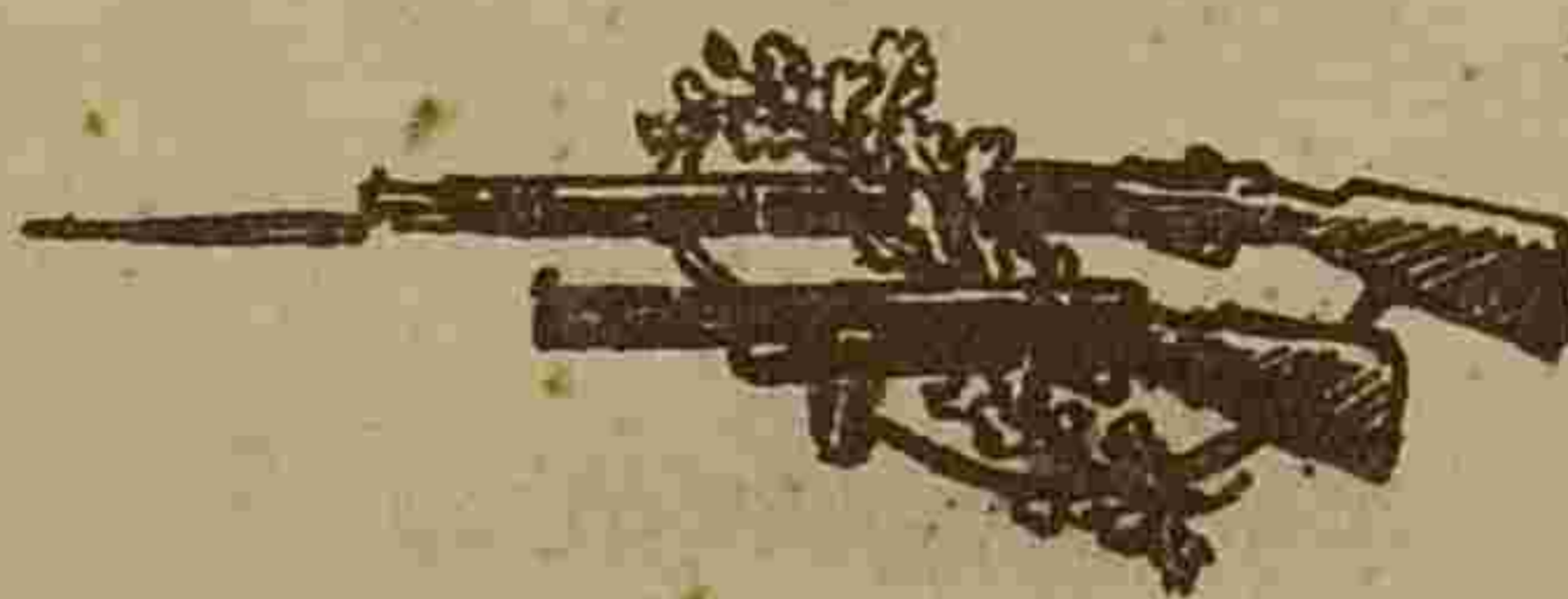
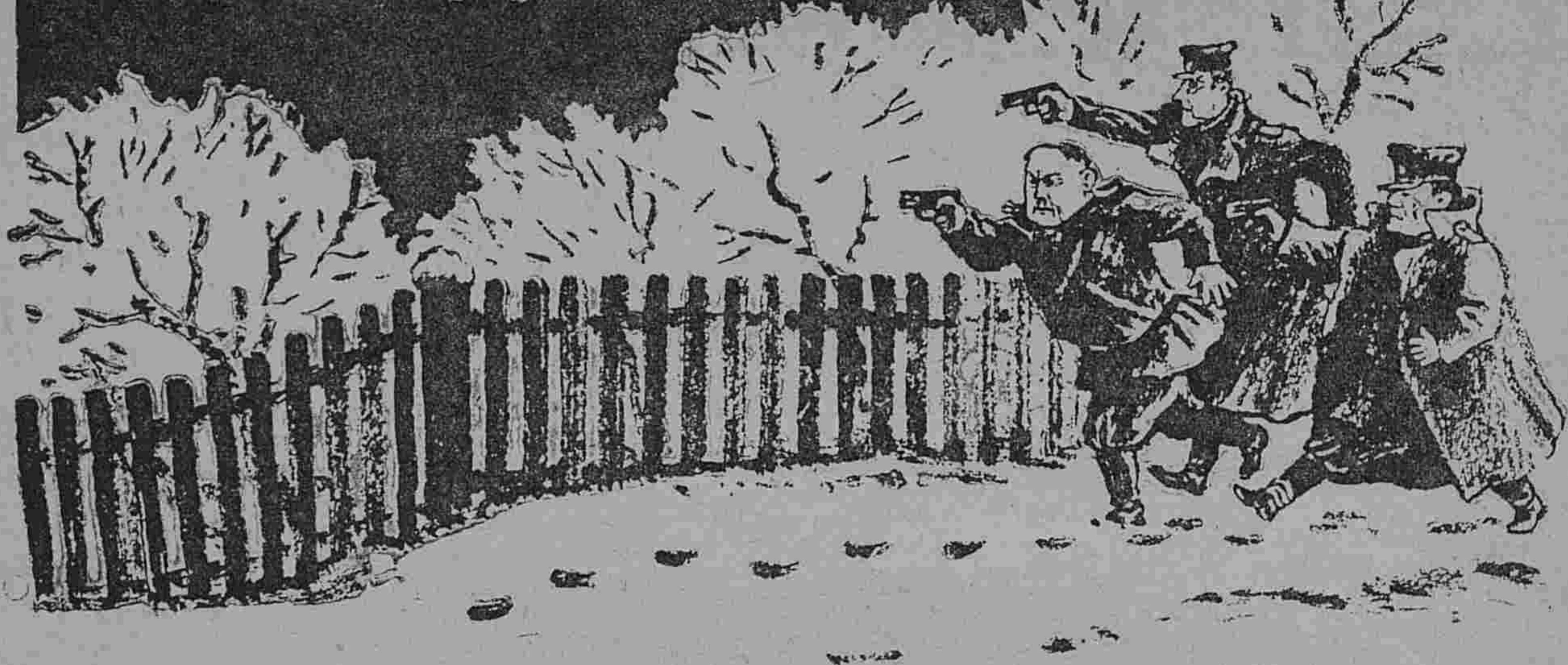


Рис. 8/58

# НЕВИДИМКА



С. Хмельницкий, С. Полоцкий, В. Воеводин

Рис. В. Конашевича

## С НЕВИДИМКОЙ ПОКОНЧЕНО

(Окончание\*)

„Ко всем жителям города! С Невидимкой покончено“. — Так начиналось объявление.

„Благодаря решительным мерам германского командования, так называемый Невидимка, — школьник Сергей Званцев, — арестован и будет на-днях повешен. Сообщники Невидимки — учитель рисования В. Т. Соколов с дочерью уже сегодня повешены. В городе восстановлен германский порядок. Подписано: генерал-майор фон-Шнапс“.

Это объявление, к счастью, существовало пока еще только в мыслях самого генерала. А сам он торопился к зданию комендатуры.

Квадратные часы на фасаде школы показывали два часа и две минуты. И тем не менее казнь еще не совершилась.

В то самое мгновение, когда Кнаус накинул петлю на шею девочки, среди офицеров, толпившихся возле помоста, произошло замешательство.

Каким-то образом в руке у самого генерала очутилась записка. В записке стояло:

„Господин генерал! Я, Невидимка, Сергей Званцев, сдаюсь. Если вы явитесь немедленно к комендатуре, то можете взять меня. Я буду держать в руке белый платок на палке. По этому вы убедитесь, что я действительно здесь. Предупреждаю, что дам арестовать себя только вам лично и при условии, что казнь будет сейчас же прекращена. Остановите казнь!“

— Остановить казнь! — закричал генерал. — Невидимка сдается!

И Шура почувствовала, что охватившая ее шею петля распустилась.

— Не расходиться! — продолжал генерал. — Всем оставаться на своих местах. Если Невидимка попытается нас обмануть, то казнь будет продолжена.

— А если Невидимка окажется у нас в руках, — слышался за спиной генерала шопот Кнохе, — то кто помешает нам обмануть его?

— Правильно, — кивнул генерал. Он понизил голос и обратился к фон-Швиммелю. — Я сообщу вам, как только мы захватим Невидимку. Тогда вы доведете казнь до конца. Понятно?

— Понятно, — осклабился фон-Швиммель. — На этот раз мы, кажется, действительно перехитрим Невидимку.

И вот генерал, воинственно выпятив грудь, шагнул к комендатуре и на ходу сочинял объявление. Он умышленно никого не взял с собой, чтобы себе одному приписать всю заслугу победы над знаменитым Невидимкой.

За генералом на почтительном расстоянии незаметно следовал Кнохе. Часовщик очень хорошо понимал, почему генерал шел один. И он решил непременно присутствовать при аресте Невидимки. Таким способом он добьется прибавки к деньгам, которые уже получил за арест учителя с дочкой.

Так один за другим по пустой улице шли два негодяя. Все жители были согнаны на площадь.

Генерал подходил уже к комендатуре, когда его обогнала легковая машина. Из автомобиля выскочили два офицера. Но генерал не обратил на них никакого внимания. Он увидел возле стены комендатуры развеваемый ветром белый флажок на палке. Невидимка здесь! Невидимка сдается!

Генерал ускорил шаги.

Кнохе остановился за углом. Генерал приближался к белому флагу Невидимки. Высунув из-за угла голову в черной шляпе, часовщик смотрел во все глаза. Он дрожал от волнения: сейчас генерал сам арестует проклятого Невидимку.

Вот генерал миновал вышедших из автомобиля двух офицеров. Офицеры вытянулись и отдали честь.

Кнохе замер.

Генерал подошел вплотную к белому флагу и что-то сказал. Потом лицо генерала изобразило

\*) См. „Костер“ № 1 и 2.

удивление. Он поднял руку и хотел опустить ее на плечо Невидимки. Но рука прошла прямо по воздуху, не задерживаясь.

Генерал рассердился. Он топнул ногой. И тут белый флажок покачнулся и упал на панель. Его, оказывается, никто не держал. Он просто был при-слонен к стене комендатуры.

Да, Невидимки здесь не было. Генерала обманули, провели, как мальчишку.

Он наклонился, чтобы поднять белый флаг. И в это мгновение произошло то, чего ни генерал, ни Кнохе за углом, ни фон-Швиммель и другие офицеры на площади никак не ожидали.

Один из немецких офицеров, приехавших на машине, свистнул другому. В следующий миг они оба набросились на генерала. И не успел генерал ахнуть, как его сбили с ног, а несколько увесистых ударов оглушили его. И во рту у него оказался кляп.

Офицеры схватили генерала — один за плечи, другой за ноги, размахнулись и бросили его прес-восходительство в машину.

Все это видел из-за угла Кнохе. Он хотел было крикнуть, но от страха потерял голос. Он не мог позвать часового, который с автоматическим ружь-ем безмятежно прогуливался у главного входа комендатуры.

Офицеры тоже увидели высунувшуюся из-за угла голову в черной фетровой шляпе.

Один из них приложил палец к губам, он как бы приказывал Кнохе молчать. Другой поманил часов-щика пальцем.

И Кнохе, вместо того, чтобы бежать со всех ног, как зачарованный, покорно начал приближаться к таинственным похитителям генерала...

В это время фон-Швиммель торопливо прохаживался по площади перед помостом. Он часто протирал запотевшие очки и косился на часы на белом фасаде школы, чтобы „засечь“ ту историческую минуту, когда покажется генерал, ведя арестованного Невидимку.

Но генерал не появлялся, и озябший майор нервничал.

Солдат Кнаус застыл с петлей в руках в ожидании знака, который должен быть дать ему майор. Тогда Кнаус вздернет — сначала девочку, потом старика, и, наконец, проклятого Невидимку.

Шура и Василий Тихонович стояли, опустив головы. Сейчас их друг погибнет, — погибнет, чтобы их спасти.

Вдруг с той стороны площади, откуда должен был появиться генерал, показался Кнохе.

Он был без своей неизменной, всему городу известной черной шляпы, воротник его пальто был разорван, к пальто прилип снег. В таком состоянии часовщика никто и никогда до сих пор не видел. Тяжело дыша, Кнохе бежал к помосту. В руке он держал записку, помахивал ею и кричал:

— Приказ, приказ генерала!

— Наконец-то, — воскликнул фон-Швиммель, покосился на часы, „засекая“ историческую минуту (два часа четырнадцать минут), и поднял руку.

Кнаус снова накиннул петлю на шею девочки и ударом сапога выбил из-под ее ног колоду.

Чей-то громкий стон раздался на площади:

— Шура!.. Подлецы, остановитесь!

Фон-Швиммель, схватившись за кобуру, повернулся в ту сторону, откуда слышался голос. Но в это время Кнохе, добежав до майора, сунул ему в руку записку.

Взглянув на нее, майор побледнел, опять под-нял руку и крикнул: „Остановить казнь!“

Кнаус, изумленно моргая глазами, уставился на майора. Потом поспешно приставил к столбу висе-лицы лесенку, взобрался наверх и взмахом ножа перерезал веревку.

Тело Шуры рухнуло на помост. Толпа вздрог-нула и застыла.

Вот что прочитал фон-Швиммель в записке:

„Я — в руках партизан. На меня направлено дуло револьвера. Если вы причините старику и девочке хотя бы малейший вред, — я погиб. Немедленно освободите арестованных. Только при этом условии партизаны согласны вступить в переговоры отно-сительно моего освобождения.

Ваш несчастный генерал фон-Шнапс“.

— Освободить арестованных! — приказал майор.

Кнохе побегал сообщить партизанам, что их условия приняты и арестованные освобождены.

Застывшую в напряженном молчании толпу охватило радостное волнение. Помост окружили шурины школьные товарищи. Они окликали ее и Василия Тихоновича, протягивали к ним руки, тянули Шуру за платье.

Шура уже пришла в себя. Она стояла на краю помоста, сжимая обеими руками горло, на котором петля оставила багровый след, и медленно осматривалась.

— Пойдем! Скорей! — кричали ребята, увлекая ее и Василия Тихоновича к белому зданию.

Уже много дней никто из них не ходил в школу, несмотря на приказ генерала о начале занятий по новой фашистской программе... Но теперь радость потянула их всех к белому дому на пло-щади.

Немецкие солдаты растерянно оглядывались на майора, а майор не менее растерянно провожал глазами толпу школьников, вливавшуюся в дверь белого здания.

Школа наполнилась радостными криками. Вдруг все смолкло. В наступившей тишине до майора донеслись изумленные восклицания.

— Это он? Сережа Званцев! Невидимка! Вот чудеса!

Фон-Швиммель выпрямился. Неуловимый Невидимка!



Генерал приблизился к флагу...

димка — здесь, в школе! К майору сразу вернулось самообладание. Он скомандовал:

— Оцепить школу!

Солдаты бросились к белому зданию.

— Шесть человек к двери! — приказал майор. — Оставить узкий проход — так, чтобы школьники едва могли выходить по одному. Выпустить из помещения всех, одного за другим. Когда выйдут все, кого вы видите, дверь захлопнуть. Тогда внутри останется тот, кто невидим — Невидимка.

И фон-Швиммель засмеялся, довольный своей находчивостью и распорядительностью.

## НЕВИДИМКА СТАНОВИТСЯ ВИДИМЫМ

Когда петля обвилась вокруг Шуриной шеи, она услышала знакомый голос:

— Шура!.. Подлецы, остановитесь!..

Но в то же мгновение Шура потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, ее и Василия Тихоновича окружали школьники.

Товарищи пожимали ей руки, по-други обнимали ее... Иногда Шуре казалось, что за их голосами она слышит другой, знакомый голос. Ей почудилось будто кто-то тихо провел рукой по ее волосам. Но все это могло померещиться ей — от волнения, от радости встречи с товарищами, от беспокойства за друга.

Толпа школьников увлекала Шуру и Василия Тихоновича к белому зданию, в котором все они провели много счастливых часов своей жизни.

Ослепшие глаза Василия Тихоновича не могли увидеть ни знакомых милых лиц, ни лестницы, по которой он поднимался столько раз — изо дня в день, из года в год, ни дверей классов, мимо которых его вели теперь за руку его ученики.

Но Василий Тихонович радостно узнавал своих юных друзей по их голосам. Он с удовольствием вдыхал знакомый запах масляной краски, которой весной были заново выкрашены стены коридора.

Враги отняли у Василия Тихоновича зрение и любимый труд, но его дружбы с ребятами они разорвать не могли.

Шура оглядывалась на отца, окликала его и, видя его бледное, измученное, но счастливое лицо, улыбалась.

Вот Шуриной седьмой класс. А вот ее любимая физическая лаборатория. Тут однажды Сережа, не решивший заданной на дом задачи по физике, перед приходом учителя спрятался в шкаф, но там было тесно, и во время урока Сережа с шумом вывалился из шкафа, взъерошенный, пыльный, смущенный, под громкий хохот всего класса.

Шуру потянуло в лабораторию. Она толкнула дверь, ребята устремились за Шурой.

Они толпились между шкафами и столами, заставленными банками, большими бутылками с растворами, штативами с ретортами и колбами.

Шура оглянулась.

— По-аккуратней, ребята! Не разбить бы чего...

И в эту самую секунду произошла авария.

Василий Тихонович, повернувшись, толкнул шкаф. Шкаф качнулся. Большая банка, стоявшая наверху, опрокинулась, облив стоявших рядом ребят голубой жидкостью. И тогда застывшие от изумления школьники увидели, как на том месте

Один за другим, подгоняемые прикладами и окриками, низко нагибаясь под скрещенными у выхода штыками солдат, выходили дети из школы. По одному протискивались они в узкий проход, — мышь и та не проскочила бы сбоку.

Последний школьник вышел на площадь. Дверь в ту же секунду захлопнулась.

— Притащить солому и поджечь школу! — скомандовал майор.

Вскоре школа запылала, как стог.

— Теперь-то с Невидимкой покончено, — сказал фон-Швиммель. — Невидимка сгорел.



Сережа стал видимым...

у шкафа, которое до этой минуты казалось пустым, появилась фигура мальчика.

Сначала появилась его голова в ушанке, потом черный меховой воротник полушубка и плечи, затем все туловище и, наконец, ноги.

Мальчик изумленно разглядывал свои руки, ноги, одежду, неуверенно и смущенно оглядывался на стоявших рядом ребят и рукавицей стирал с лица и с пальто жидкость, которою весь был облит.

— Смотрите, смотрите! — закричали кругом. — Это он! Сережа Званцев! Невидимка!.. Вот чудеса!

Шура бросилась к Сереже, крепко сжала его руку.

— Тише, ребята! сказала она. — Нас могут услышать. Подумаем, как нам спрятать Сережу!

Но в это время на площади прогремела команда фон-Швиммеля:

— Оцепить школу! Он — здесь! Шесть человек к двери! Выпускать школьников по одному!

Прежде, чем ребята успели решить, что им делать, в школу ворвались немецкие солдаты и стали прикладами гнать всех к выходу.

По одному, низко нагибаясь под скрещенными у порога винтовками, протискивались ребята в оставленный солдатами узкий проход.

Сережу вытолкали вместе с другими. Никто не обратил на него ни малейшего внимания. Фон-Швиммеля и солдат занимал только Невидимка, „видимые“ мальчики их не интересовали. Да и никто из немцев никогда не видел Сережу.

Вместе с другими школьниками и Василием Тихоновичем бывший „Невидимка“ — Сережа Званцев выбрался на площадь.

Уже темнело. Ребята шли молча, часто оглядываясь. С грустью и злобой смотрели они, как позади пылает их школа, дом их счастливого детства...

А в это время майор фон-Швиммель ликовал:

„Невидимка сгорел! Невидимки больше нет!“

Расторопное немецкое радио уже разносило во все концы оккупированной области весть об уничтожении знаменитого Невидимки. Фашистские солдаты, которые вздрагивали от скрипа половицы, принимая его за шаги Невидимки, и немецкие офицеры, которые, бледнея, вскакивали с мест, если ветер приоткрывал дверь, — теперь облегченно вздохнули: „Невидимки больше нет!“

А радисты наступающих частей Красной Армии, перехватив хвастливое сообщение германского радио, хмурились и качали головами:

„Опять брехня? Или на самом деле погиб храбрый советский школьник Сергей Званцев?“

Но Сережа Званцев был жив и невредим, хотя Невидимка действительно перестал существовать.

Сережа, Шура и Василий Тихонович укрылись у партизан. Сережа теперь часто и подолгу упражнялся в немецком языке: он помогал партизанам допрашивать генерала.

Этот гнусный палач заслуживал самой жестокой расправы. Но, верные своему слову, партизаны не причинили ему никакого вреда, — они обращались с ним как с военнопленным.

Сначала генерал страшно струсил, жалко лебезил перед партизанами, вымаливая себе помилование.

Но через три дня он пришел в себя и потребовал на обед бифштекс. Обнаглев, он уже хвастался, что через несколько дней храбрые солдаты фюрера перевешают всех партизан.

Однако, надеждам генерала не суждено было сбыться. Стремительный натиск Красной Армии опрокинул все его расчеты. Рано утром передовые части Красной Армии, радостно приветствуемые жителями, победоносно вступали в освобожденный городок.

В толпе, которая вышла навстречу войскам, не было Богданыча. Старый садовник погиб: немцы замучили его.

Василий Тихонович, Шура и Сережа стояли на площади, — на той самой площади, где несколько дней тому назад фашистские палачи готовили им мучительную казнь. Теперь на ней гремел „Интернационал“. Его пели проходящие войска, его пели жители, его пели Сережа и Шура.

Василий Тихонович не мог петь, — он плакал. Ему было и радостно, как никогда в жизни, и грустно — ведь он не мог видеть того, что происходило вокруг. Зато он жадно ловил каждый звук. Какой счастливой улыбкой осветилось его лицо, когда радио-рупор донес до него такие родные, давно неслыханные слова:

„Внимание! Слушайте, говорит Ленинград!“

Через несколько дней произошло еще одно радостное для Сережи событие — в городок вернулся его дядя, инженер Званцев. Сереже было непривычно и приятно видеть его в военной форме.

Со дня на день должна была приехать и сережина мать.

Дом, в котором опять поселились Сережа с дядей, наполнился военными. Являясь к сережиному дяде, они вытягивались, отдавали честь и говорили:

— Товарищ военный инженер первого ранга, явился по вашему распоряжению.

Инженер Званцев служил теперь в авиационных войсках. Его опыты дали блестящие результаты:

первый самолет-невидимка должен был вскоре совершить свой первый боевой рейс.

Однажды к инженеру Званцеву приехали трое штатских. Они долго о чем-то беседовали с инженером. Потом Званцев послал за Сережей. Когда мальчик пришел, инженер сказал:

— Ну, знаменитый Невидимка, расскажи-ка этим товарищам все свои похождения.

Трое штатских, как по сигналу, вытащили вечные перья и записные книжки. Уставившись на Сережу и перебивая друг друга, они стали засыпать мальчика вопросами:

— Что вы почувствовали в тот момент, когда стали Невидимкой? Какой вид имел солдат Кнаус, когда вы отняли у него колбасу? Кто ваш любимый герой?

Сережа был удивлен, но добросовестно отвечал на все вопросы.

Исписав три толстых блок-нота, гости уехали.

Званцев объяснил Сереже, что это были писатели из Ленинграда.

В другое время встреча с писателями заинтересовала бы Сережу гораздо больше. Но сейчас он был слишком занят. Вместе с другими товарищами он с утра до вечера таскал кирпичи, помогая рабочим заново отстраивать сожженную фашистами школу.

Скоро должны были возобновиться занятия.

В единственном уцелевшем классе произошла встреча школьников с „президентом“, то есть с директором, который во время оккупации городка немцами работал в подпольи.

Президент радостно приветствовал школьников. Фамилию каждого он вносил в заново составлявшийся список учащихся.

Увидя Сережу, директор обнял его и хотел было внести его фамилию в список, но вдруг заколебался:

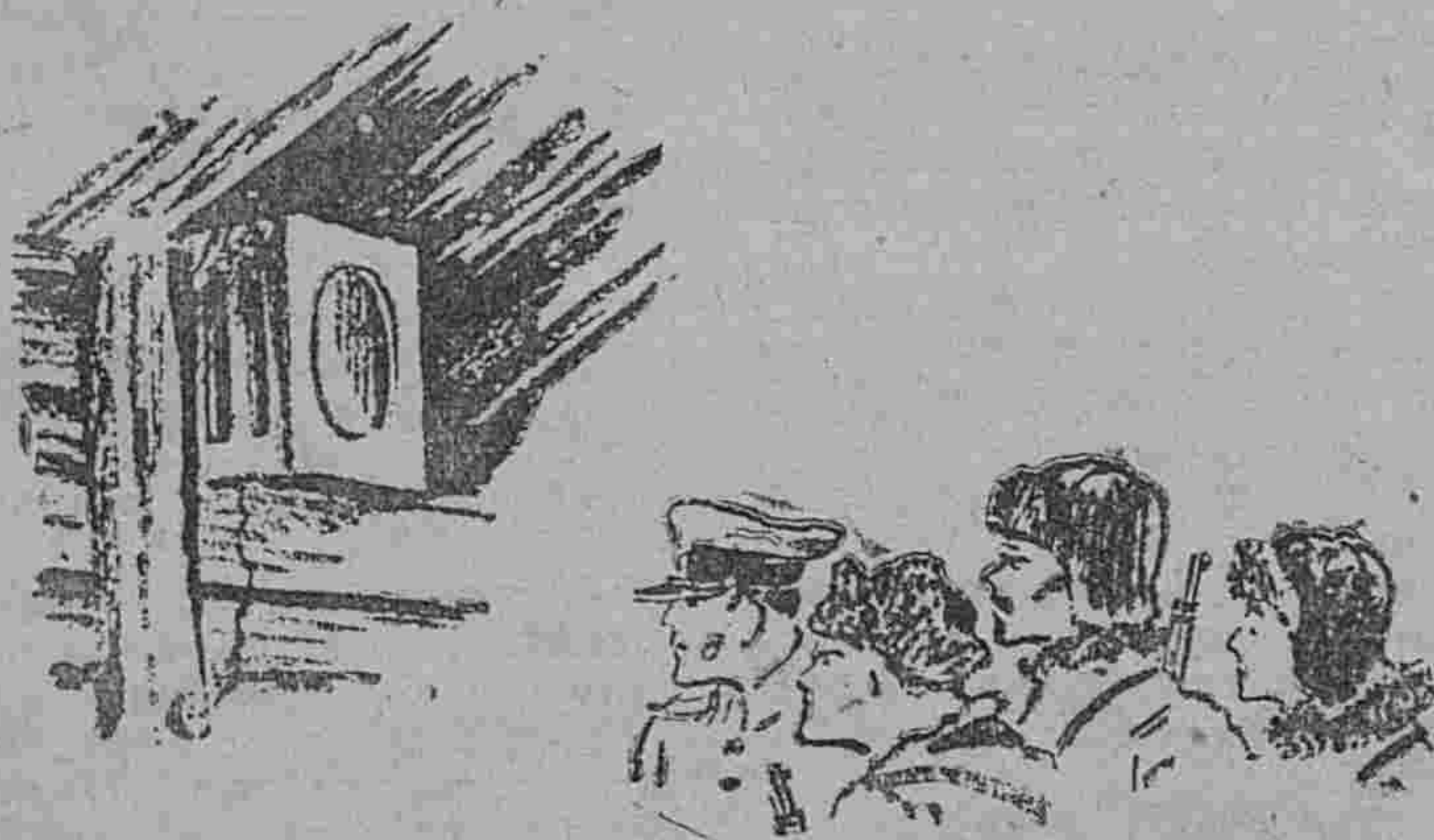
— Постой, постой! Как же так? Ведь ты—Невидимка, и ты сгорел. Я сам читал об этом в газете.

В это время письмоносец принес пачку писем, газет и журналов. Среди них обрадованные школьники нашли последний номер „Костра“. Они вырывали его друг у друга, перелистывали, читали вслух.

— Слушайте! — закричала вдруг Надя Палкина и прочла своим зычным голосом, из-за которого ей дали прозвище „Труба архангела Гавриила“:

„Сережа Званцев был жив и невредим, хотя Невидимка действительно перестал существовать. Сережа, Шура и Василий Тихонович укрылись у партизан. Сережа...“

Теперь Сережа понял, зачем приезжали к нему писатели. А директор, улыбнувшись, внес в список учащихся сережину фамилию.





Н. Владимирская

Рис. Т. Цинберг

Сталинград! Здесь дважды в истории были разгромлены полчища врагов. Здесь Красная Армия одержала величайшую победу над фашистами, которая остается в памяти народной как образец высокого военного искусства.

На берегу Волги, на одной из стен сталинградского причала сделана надпись: „Здесь стояли на-смерть гвардейцы Родимцева“ и ниже вторая, сделанная позже: „Выстояв, мы победили смерть“.

Эти гордые, мужественные слова могли сказать люди, ценой своей крови и жизни отстоявшие Сталинград.

Каждая пядь земли города Сталина обогрета кровью благородных русских людей. Улицы, перекресток, полуразрушенное здание — все это арена невиданных в истории, упорных, кровопролитных боев.

Был в Сталинграде дом, обычный четырехэтажный дом. Внешне он ничем не отличался от других: те же выбитые окна и сорванные двери, в стенах просветы от снарядов и бомб, те же бесформенные балки, стропила вместо крыши. И те же остатки кровельного железа, что так тоскливо скрежещут от ветра и бьются о стены.

Таким полуразрушенным, закоптелым было это здание, когда наши бойцы захватили соседние два дома.

Но это четырехэтажное здание врезалось в нашу оборону. С него можно было обозревать соседние кварталы, улицы, здания и даже Волгу. А находилось это здание в руках немцев. Гитлеровцев нужно было выбить из него.

Но сделать это было совсем не легко. Немцы заминировали и укрепили подступы к дому, прикрыли его артиллерийскими и минометными батареями.

Брать в лоб этот дом было нельзя: все подступы были хорошо пристреляны.

Гвардии сержант Макаров принялся наблюдать за домом и его гарнизоном. Гвардеец замаскировался в развалинах и целые сутки изучал как расположены огневые точки противника, каковы порядки немецкого гарнизона.

Вот что он узнал: днем и ночью немцы ведут огонь с двух сторон, а утром часть гарнизона

уходит по траншее на отдых. В доме остается совсем немного фашистских солдат. В это время никто не охраняет дом с тыла.

Значит, брать дом следует именно в эти утренние часы и притом небольшой группой. Такую группу противнику труднее обнаружить.

План сержанта был одобрен, и на рассвете восемь гвардейцев взяли запас гранат, патронов и поползли. Они продвигались вперед медленно, то и дело им приходилось преодолевать воронки, развалины.

Когда оставалось метров двадцать до дома, Макаров встал и подал сигнал. Все восемь гвардейцев побежали. Вот они уже у самого дома, в это время с третьего этажа застучал пулемет. Но гвардейцы уже пробирались по траншее, а она вела к самому подъезду.

В следующий миг гвардейцы оказались внутри здания. Двое остались охранять вход, а остальные начали взбираться по разрушенной лестнице во второй этаж. В это время они услышали как немцы сбегают с верхних этажей.

Встреча произошла в коридоре второго этажа. В гитлеровцев полетели гранаты. Трудно было различить что-либо в дыму, в облаках пыли осыпающейся штукатурки.

Натыкаясь на трупы фашистов, Макаров с товарищами бросились к двери направо. Но оттуда застучал автомат. Гвардейцы скрылись в дверь налево, бросив через коридор гранату. Автомат умолк.

Сержант и его бойцы очутились в комнате, которая раньше соединялась с соседними дверьми. Но от дверей остались одни проломы. В ближайшей комнате не было потолка — здесь прошла бомба и через зияющее отверстие можно было переговариваться с оставленными внизу товарищами.

Так началась жизнь гвардейцев в доме, в котором они осаждали немецкий гарнизон, и в котором сами они были осажденными.

Гвардейцы все время отражали атаки с двух сторон: то они отвечали на выстрелы своих „соседей“, то они предотвращали попытки немцев прорваться в дом с улицы.



Помочь этой смелой горсточке советских людей никто не мог. Немцы своим огнем не подпускали тех, кто спешил на выручку отважной восьмерке.

Теперь, когда в доме находилось два гарнизона, артиллерийский и минометный огонь прекратился. Обе стороны не хотели поразить своих.

День прошел в напряженном ожидании. „Соседи“ то и дело беспокоили друг друга. То начинали строчить короткие очереди автоматов, то раздавался взрыв гранаты.

Тревожную ночь сменил новый день. В городе шли бои, стоял немолчный гул выстрелов, разрывов.

А в этом четырехэтажном доме попрежнему находились два гарнизона. Их отделяли лишь узенький коридорчик и две стены. Но положение их было неодинаковое. Немцы успели обжить дом: у них были боеприпасы, оружие, продовольствие. А восемь храбрецов пришли налегке, и теперь их запасы истощались. Надо было что-то предпринимать.

Настала вторая ночь. У немцев все стихло. Из их половины доносился только мерный храп.

В полночь Макаров поднял своих товарищей: „Действовать тихо и решительно“, предупредил он.

Он подошел к двери, которая, как установил он раньше, была единственной незабаррикадованной. Осторожно открыл ее. В отблеске пожара гвардейцы увидели спящего у двери часового и поодаль вповалку уснувших немцев.

Снять часового прикладом и бросить гранаты было делом одной секунды. И сразу же гвардейцы бросились в другие комнаты. Они действовали так, как приказал сержант—тихо и решительно.

Спустя немного времени Макаров послал одного бойца—сообщить в роту, что дом очищен.

Но борьба за дом еще не окончилась. Пока гвардейцы собирали свои трофеи—миномет, пулеметы, автоматы и винтовки, пока вновь прибывшее подкрепление—пулеметчики, бронебойщики, автоматчики и снайперы поспешно укрепляли здание, немцы уже шли на выручку, как они думали, своему гарнизону.

Атаку фашистской пехоты прикрывали четыре

танка. Гитлеровцы смело направлялись к зданию считая, что путь свободен. Но они ошиблись: наши саперы уже успели заминировать подход к дому. И первый же танк подорвался на mine. Тогда остальные повернули обратно.

Атака повторилась снова. Но теперь уже шли семь танков. На этот раз две машины так и остались на полпути—их подожгли наши бронебойщики. Остальные танки поспешили укрыться за соседними развалинами.

На помощь танкам немцы бросили пикирующие бомбардировщики. Теперь, когда фашисты убедились, что дом в руках советских бойцов, они стремились разрушить его с воздуха. Налет бомбардировщиков поддерживали минометы.

Рушились потолки, проваливались полы, валились стены. Дом оседал, в иных местах оставалось всего два этажа.

Еще не рассеялся дым, как снова двинулась германская пехота. На этот раз ее прикрывали целых пятнадцать танков.

Но огонь наших минометчиков и пулеметчиков был так яростен, люди били так метко, что вражеская пехота вскоре отстала от своих танков. Гитлеровцы пытались укрыться в развалинах. Но и здесь их настигал губительный, сокрушающий огонь.

Так все атаки фашистов разбились о стойкость и воинское уменье наших бойцов. Гвардейцам оставалось только расправиться с небольшой группой автоматчиков, той, что укрылась в траншее около дома.

С этими фашистами быстро покончили наши снайперы.

Немцы не унимались, они предприняли еще две яростных атаки. Но и эти атаки захлебнулись. Такова история героической борьбы за один из сталинградских домов.

А сколько таких домов в Сталинграде! Сколько героизма, самоотверженности, преданности Родине, непримиримости к врагу, воинского мастерства, презрения к смерти проявили защитники Сталинграда. Они имели право сказать: „Выстояв, мы победили смерть!“

★

### ПРЕМУДРАЯ СОВА

В лесном дупле, твердит молва,  
Сова премудрая жила:  
Чем больше слышала сова,  
Тем молчаливее была.  
Чем молчаливее была,  
Тем больше слышала в стократ.  
Сова премудрою слыла,  
Бери пример с нее, солдат!



*Этот остроумный стихотворный лозунг, призывающий к бдительности, к сохранению военной тайны, был очень распространен среди английских солдат в войну 1914—1918 годов. Особенно часто его напоминали друг другу разведчики.*

# Зоя Бекетова



Е. Ковалерчук

Рис. Н. Петровой

Она пришла к морякам в декабре 1941 года. Маленькая, с живыми, всегда смеющимися глазами, Зоя Бекетова, как и многие другие ленинградские девушки, пришла движимая одним желанием — быть полезной своей родине.

Однажды отряд балтийцев шел выбивать немцев, укрепившихся в деревне на высоте.

Ночью перед боем залегли в леску. Стоял лютый мороз. От холода все вокруг застыло. Птица не пролетит, белка не смахнет иней пушистым хвостом. Природа замерла.

Пора было начинать наступление. Пора!..

Но заочневшим людям понадобилась огромная сила воли, потребовалась немалая энергия, чтобы встать на ноги, стряхнуть с себя мертвящую усталость, забыть о холоде.

Вместе с моряками поднялась Зоя. Затянулась потуже ремешком, поправила на плече санитарную сумку.

Отряд обтекал высоту. Немцы обнаружили движение и подняли бешеную стрельбу.

Зоя находилась среди бойцов, в той группе, которая ударила в „лоб“.

Немцы защищались отчаянно. Они цеплялись за каждый дом, за каждую печь, что осталась от сгоревшей избы.

Но моряки атаковали врагов так яростно, что фашисты не выдержали и обратились в бегство.

В сухом, похожем на сахар снегу валялись окочневшие трупы фашистов. Тут и там видны были пятна крови.

Немало оказалось жертв и у нас. Особенно много было раненых. Зоя перебегала от одного к другому и перевязывала их. Перевязывала голыми руками, потому что в рукавицах невозможно было работать. Руки ее одеревятели, плохо слушались. Но люди истекали кровью и Зоя забывала о своих руках. Она терпеливо бинтовала руки, ноги, головы. Наконец, все были перевязаны, все лежали один подле другого. Но тут возник вопрос — как доставить их в госпиталь? Где взять машину?

Девушка вышла на тракт.

Изредка проносились машины. Но напрасно поднимала Зоя руку. Шоферы не останавливали свои машины. Они торопились по своим делам. А Зоя все стояла... А там на снегу лежали раненые. Они страдали, ждали помощи...

Опять проезжали машины и, не останавливаясь, скрывались за поворотом дороги. Зое хотелось плакать. Упасть на снег, уткнуться лицом в рукав полушубка. Уходило время, девушке казалось порой, что она слышит стоны раненых, умирающих.

Надо было предпринять что-то.

И когда еще одна машина фыркнула, прибавляя газ, Зоя выбежала на середину дороги и выхватила револьвер:

— Стой!

Из кабины полутонки вышел взъерошенный старшина хозяйственной службы и грозно спросил:

— Ты чего тут авралишь?

— Мне нужно отвезти раненых!

— Так бы сразу и сказала.

Несколько рейсов совершила эта машина. Пока Зоя с шофером отвозили очередную партию, старшина ухаживал за оставшимися ранеными. Так перевезли всех раненых.

Прошел месяц после этого случая.

Часть получила задание пройти в тыл врага и по сигналу атаковать фашистский дзот.

Вместе с отрядом отправилась Зоя.

В пути отряд наткнулся на замаскированную огневую точку. Немцы подпустили моряков совсем близко и внезапно обстреляли их из пулеметов.

Зоя Бекетова упала одной из первых. Шесть пуль поразили маленькую санитарку. Она не успела даже вскрикнуть, упала на колени и медленно свалилась набок.

Она несколько раз пыталась подняться, но каждый раз падала обессиленная. Она лежала в „мертвом пространстве“ и пули немцев теперь не достигали ее.

Ее друзья краснофлотцы видели: эта де-

вушка, такая мужественная, теперь погибает на их глазах.

Но немцы держали под обстрелом каждую пядь земли вокруг дзота. Приблизиться к раненой было невозможно: пулеметы сразу же начинали свою бешеную трескотню. Что делать? А тут еще надвигалась угроза окружения. Нужно спешить пробиваться к своим.

Оставить Зою?

Нет! Четверо моряков вызвались спасти Зою, обычно веселую и оживленную, которая теперь так беспомощно лежала на снегу. Они поползли по колючему снегу в уже наступивших сумерках.

Первым пополз минер. Но пуля ударила его в спину. Он уткнулся лицом в снег и раскинул руки, набрав полные пригоршни снега. Минуту царило замешательство. Но только одну минуту.

Радист уже сбросил с себя тулуп и фланелевку и в одной тельняшке быстро пополз по следу, оставленному товарищем. Скоро он слился с темной полосой дорожки, утоптанной во время боя.

Немцы выпускали одну очередь за другой, видно, наугад.

Как тревожно бились сердца моряков: поползет ли? Секунды вырастали в вечность.

Мучительное ожидание, казалось, никогда не прекратится. Старшина уже приготовился пойти вслед радисту. Но вот слух уловил скрип снега, а затем послышалось прерывистое дыхание. Это полз боец, обняв одной рукой бесчувственную Зою.

С какой радостью моряки поползли ему

навстречу. Наконец они бережно подхватили девушку.

Состояние девушки было серьезное: ранение угрожало жизни. Ее не повезли в госпиталь, а оставили в санчасти. И доктор здесь же на месте сделал раненой операцию.

Весть о ранении Бекетовой быстро облетела всю часть. Кто только не навещался в санчасть узнать о здоровье Зои. Приходили сражающиеся на суше моряки. Рулевые сменяли кочегаров, кочегары—комендоров. Звонили сигнальщики, акустики, турбинисты. Все хотели знать как чувствует себя больная, можно ли принести ей шоколад, белые сухари, томатный сок.... Врачу стало просто невозможно целый день отвечать на вопросы и он стал вывешивать у входа в санчасть письменную сводку о состоянии здоровья любимицы полка.

Как радовались моряки, когда в сводке говорилось о том, что больная чувствует себя лучше.

Девушка поправлялась. Ей было девятнадцать лет, а в этом возрасте раны заживают быстро. И она выздоровела.

Весной, когда первый теплый ветер овеял лица и зеленая травка выглянула из перепаханной снарядами земли, бледная, похудевшая, Зоя впервые вышла посидеть у крыльца санчасти.

И тут глаза ее широко открылись, к щекам прилила кровь.

Краснофлотский джаз, еще недостаточно сыгравшийся, на веранде соседнего дома усердно грянул „Сказки Венского леса“...

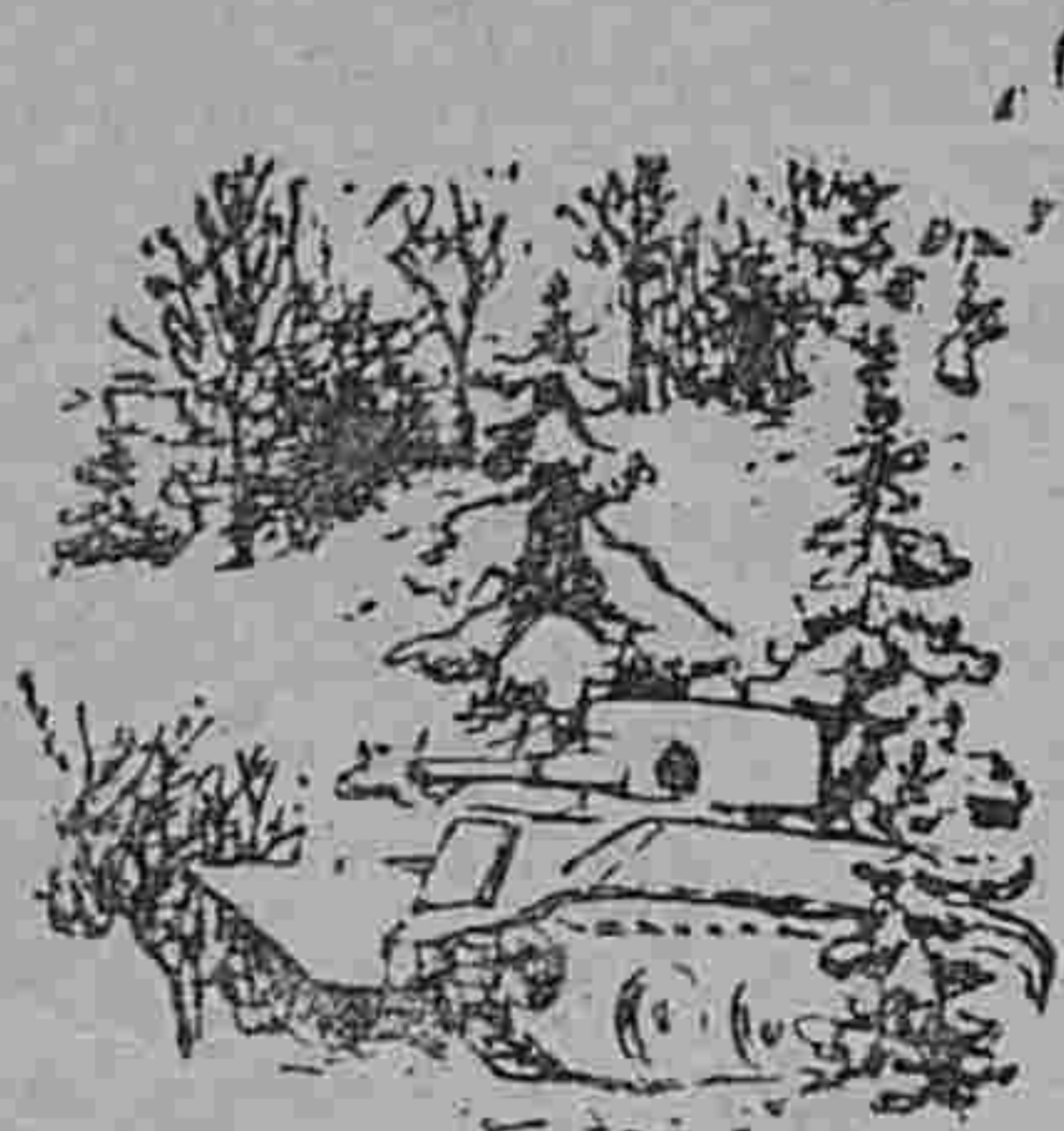
Это была пока что единственная вещь в его репертуаре. Возможно, что некоторые инструменты даже слегка фальшивили, но „шумовое сопровождение“ (оно же—сигнальщик) так усердно колотил в барабан, что для неискушенного в музыке слушателя эта фальшь оставалась незаметной.

Зое хотелось рассмеяться. Но почему-то по щекам ее полились слезы, подбородок задрожал. Испуганный дирижер оборвал музыку на самой неожиданной ноте, а девушка трясущимися губами все хотела что-то сказать, все начинала какую-то фразу, но у нее получалось только: „Ничего, ничего... пройдет“.

И, наконец, махнув рукой, она заплакала растроганно и счастливо.



# ВОЙНА ЗИМОЙ



*М. Михайлов.*



*Рис. Ю. Мезерницкого*

Воевать зимой несравненно трудней, чем летом.

Мороз, снег, лед, вьюга создают для обеих воюющих сторон множество трудностей и осложнений.

Зимой, на морозе люди и лошади мерзнут. Если бойцы принуждены подолгу оставаться на морозе, они могут отморозить себе руки, ноги, лицо. На холоду невозможно голыми руками держать металлические части орудий, винтовок, пулеметов.

Не всегда можно развести костер и согреться у огня. Предательский дымок выдаст врагу людей, расположившихся у костра. Иногда нелегко раздобыть и воду, чтобы сварить себе пищу, напоить лошадей. Скованные льдом реки и ручьи, покрытые снежной пеленой, не всегда удается сразу обнаружить.

Доставать воду зимой труднее, чем в теплое время. Но еще трудней сохранить ее в виде жидкости. А между тем вода нужна и для пулемета, и для моторов автомашин, самолетов, танков.

На холоду запотевают стекла прицельных приборов и приборов для наблюдения.

Мороза не выдерживает и масло, которое употребляют для смазки винтовок, автоматов, пулеметов, орудий. Оно замерзает.

А снег! Сколько неприятных, а подчас опасных неожиданностей таит дорога, занесенная снегом. В глубоком снегу увязают люди и лошади. Проложенные по снегу дороги часто оказываются слишком узкими для того, чтобы по ним могли проехать громоздкие машины. Снег скрывает рывины, овраги, канавы. Застрять в них очень легко, а вот выбраться — не всегда просто.

Иной раз снег припорошит незамерзшее болото. И ровное бескрайнее белое пространство оказывается для людей гибельной ловушкой.

Как трудно передвигаться по обледенелой дороге! Скользят люди, падают лошади, впустую вертятся колеса повозок и машин.

На белом снегу отчетливо видно каждое темное пятно. Даже человека в обычном обмундировании можно обнаружить издали. А что говорить о повозках, машинах!

В безбрежных просторах, покрытых снегом, легко потерять нужное направление, сбиться с пути. А если еще начинается вьюга, пурга?

Наконец, зимний день так короток, а ночь, морозная ночь тянется так нестерпимо долго.

Но как ни велики трудности войны в зимнее время, люди умеют бороться с ними, преодолевать их. Найти правильный путь помогает компас, уменьше ориентироваться по звездам. Иногда конечную цель пути укажет предусмотрительно зажженный маяк.

Чтобы тяжелые машины могли пройти без помех, дорогу предварительно разведывают, расчищают, расширяют. Колеса заменяют полозьями. Сани, волокуши, транспортеры и лыжи облегчают человеку передвижение по зимнему пути.

Люди в белых халатах, машины, выкрашенные в белую краску, делаются совсем неприметными на снегу.

Обычное масло для смазки заменяют морозостойкими сортами, которые не застывают на холоду. В кожухи и радиаторы вместо воды наливают особые жидкости, которые не боятся даже сильного мороза.

Много разных хитростей и ухищрений придумали люди, чтобы защитить себя от холода и облегчить зимние тяготы войны.

Но как бы ни были совершенны способы борьбы с холодом, успешно сражаться с врагом и побеждать его будет тот, кто закален, вынослив, ловок, кто с измальства привык не бояться холода. Уменьше развести костер, который дает мало дыма, уменьше устроить себе такой навес или нору, чтобы не замерзнуть во время ночлега, уменьше подолгу ходить на лыжах — все это требует сноровки, опыта.

Такой закаленностью, выносливостью, сноровкой и опытом обладают русские люди.

Мы видим это в нынешней войне с фашистскими захватчиками. Суровая зима 1941 года не помешала Красной Армии отогнать немцев из-под Москвы. Блестящие операции под Сталинградом, прорыв блокады вокруг Ленинграда показали всему миру, что храбрые русские воины не страшатся зимних морозов, что зимние холода не могут явиться помехой для закаленных, привычных к суровому климату бойцов.

Это уменьше сражаться зимой, вести длительные военные действия в зимних условиях и выполнять сложные боевые операции русские воины проявили очень давно.

В далекие времена нашим предкам, как теперь нам, пришлось защищать свою землю от немецких захватчиков — рыцарей Тевтонского ордена, прозванных псами-рыцарями.

Эта война происходила суровой зимой, а ее решающие сражения — штурм Пскова и битва на Чудском озере разыгрались в особо трудных зимних условиях. Под именем „Ледового побоища“ осталась в памяти народной эта жестокая битва, которая завершила победу русских над псами-рыцарями.

Русский талантливый полководец Александр Невский не случайно предпринял эти важные сражения именно зимой. Он знал: его люди не только храбрые, мужественные воины. Охотники и пахари в мирное время, выросшие в суровом климате, они с детства привыкли к лютым морозам. Им легче переносить тяготы зимних походов, чем неприятелю, избалованному более мягким климатом.

Овчинный тулуп или кожух под кольчугой надежно согревал ратника. Русскому воину в его меховой шапке, валеных сапогах, в меховых рукавицах не страшен был даже трескучий мороз.

Немецкие рыцари, как правило, избегали воевать зимой. Их вооружение не было приспособлено для зимы. И, конечно, когда

обстоятельства вынуждали их сражаться зимой, железные латы их промерзали и рыцари не могли согреться. Кони немецких всадников были защищены тяжелой броней — панцырем, шлемом. И лошади в тяжелой броне да еще с тяжело вооруженными всадниками не могли быстро передвигаться по льду. Они скользили, падали, а это, если не останавливало, то замедляло движение войска.

В ту пору немецкие рыцари применяли особый боевой порядок: они шли в бой клином. Основу клина составляли тяжело вооруженные всадники — они врезались в армию противника, стремясь разрезать ее надвое.

Новгородцы знали этот излюбленный прием врага. Знали они, что сила неприятельского удара зависит от того, насколько стремителен и быстр будет натиск врага. Уменьшить быстроту натиска, значит ослабить силу удара. Это можно осуществить тогда, когда всадники не смогут быстро двигаться вперед. Это хорошо понимал Александр и поэтому он избрал местом сражения ледяное поле Чудского озера. Здесь на льду немецкие кони в своем тяжелом вооружении вместе с бронированными всадниками не могли так быстро двигаться, как того требовал маневр. А этого только и добивались русские! Пешие воины и легко вооруженные русские конные полки нанесли немцам удар сокрушающей силы, потом окружили и уничтожили врага.

Но как бы солдаты ни были закалены, выносливы и привычны к зимним холодам, — этого еще мало для достижения победы. Нужно уметь еще правильно рассчитать свои силы и примениться к любой обстановке.

Во время великой Северной войны русским войскам пришлось сражаться со шведами. Шведы, как и русские, не боялись суровой зимы. Они отлично ходили на лыжах. Лед, снег, пурга не страшили их.

Во время этой войны русская армия, действовавшая около Гродно, должна была отойти к реке Неману. Перейти эту реку было нелегко: мороз беспрестанно сменялся оттепелью. В любую минуту лед мог двинуться и тогда русская армия лишалась бы своей единственной дороги. Она оказалась бы прижатой к берегу, без возможности отступления. Окружить ее и уничтожить здесь не представляло труда. На это рассчитывал Карл XII. Петра же в это время не было при армии. Но когда он узнал от своих генералов какая опасность грозит его армии, он тотчас же послал приказ: навести мосты и начать переправу. Русские

так и поступили. И перейдя на другой берег, сами же сняли мосты, а часть их разрушил начавшийся ледоход.

Карл XII этого не ожидал: этот маневр русских сорвал все его планы. Теперь он сам оказался перед широкой водной преградой, перейти которую ему удалось гораздо позднее.

На примере этой операции понятно, что для успешного ведения войны зимой необходимо еще умение командира правильно оценить все условия и найти правильный выход.

Воспоминание о многих трудных зимних кампаниях и сражениях, выигранных русскими, хранит военная история. И всегда, например, во время войны с Наполеоном,

зимние победы доставались русским. Храбрость, выносливость русских бойцов сочеталась с умением командира правильно оценить условия войны: мороз, вьюгу, даже короткий зимний день. Заставить служить их своим планам, превратить трудности зимней войны в своих союзников, умело использовать любое время дня и ночи.

Зима сама по себе еще не приносит победы. Победа не приходит сама, ее нужно добиваться. Но тот, кто умело использует зимние условия войны, кто вынослив, закален, кто умеет оценить обстановку и учесть свои силы и силы неприятеля, как это, например, сделал Александр Невский, тот обязательно добьется победы.

## ПОДАРОК ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПИОНЕРКИ

Девочка с туго заплетенными косами, закутанная в большой шерстяной платок, сидела рядом с матерью. Машина подскакивала на снежных ухабах и тогда девочка крепко сжимала в руках автомат. Автомат чуть поблескивал, он был совсем новый.

Где-то неподалеку слышны были разрывы тяжелых снарядов.

— Мы скоро приедем! — сказал военный, сидевший напротив девочки. — Ты не боишься? — спросил он ее.

Девочка на секунду задумалась, потом ответила:

— Нет, я не боюсь.

Наконец, машина остановилась в лесу. Неподалеку широкой полосой чуть белела в темноте река. За ней то и дело взлетали ракеты. Они висели в небе как огромные светляки, потом медленно потухали. Ленточки трассирующих пуль казались шмыгали с берега на берег. Когда пулеметная стрельба затихала, было слышно как шумят верхушки деревьев под колючим февральским ветром.

На полянке, выстроившись рядами, стояли автоматчики в белых тулупах, мохнатых ушанках. Перед ними — командир.

Командир говорил: „На рассвете мы идем в бой! В бой за Ленинград! В бой за ленинградцев, за таких вот славных и милых девочек, как наша гостья...“

Он помахал рукой девочке. Закутанная в платок девочка стояла рядом со своей мамой. Она все еще держала в руках автомат.

— Эта девочка ничего не пожалела, — продолжал командир, — она все отдала для победы. В этом и заключается истинный героизм. Передай, милая, автомат своему дяде! Сержант Нератисец, примите оружие!

Высокий широкоплечий человек шагнул навстречу девочке.

Девочка протянула ему автомат и, хотя она очень волновалась в эту минуту, ее голос отчетливо и громко прозвучал в морозном воздухе:

— Дядя Саша и дорогие бойцы! Убейте всех фашистов! Отомстите за наше горе!

Два коротких слова разом, не сговариваясь, крикнули в ответ автоматчики:

— Мы убьем!

И тогда сержант легко поднял девочку на руки, расцеловал ее и поклялся, что только мертвым он выпустит из рук ее чудесный подарок.

Великан-сержант так волновался, что голос его срывался и дрожал:

— Нет у меня сейчас другой цели в жизни, как только той, чтобы как можно больше уничтожить из этого автомата немцев, — сказал он.

И каждый автоматчик в строю мысленно поклялся в эту минуту, что если сержант падет в бою, то он возьмет его автомат и будет истреблять из него врагов.

Потом командир отдал команду и автоматчики исчезли в ночной мгле. Они шли на исходные позиции. А девочка с туго заплетенными косами и красной пионерской косынкой на шее вместе со своей мамой отправились ночевать на командный пункт.

Рано утром, когда машина увозила гостей обратно в Ленинград, сержант Нератисец из своего нового автомата уже успел списать дюжину фрицев с довольствия у Гитлера. Автоматчики шли в бой...

Девочку, которая встретила в лесу на фронте со своим дядей и подарила ему автомат, зовут Вартой Чарухчан. Варте десять лет. Живет она в Ленинграде на Васильевском острове. А как и почему эта встреча произошла, вы поймете, прочитав вот это письмо:

*Товарищу Жданову.*

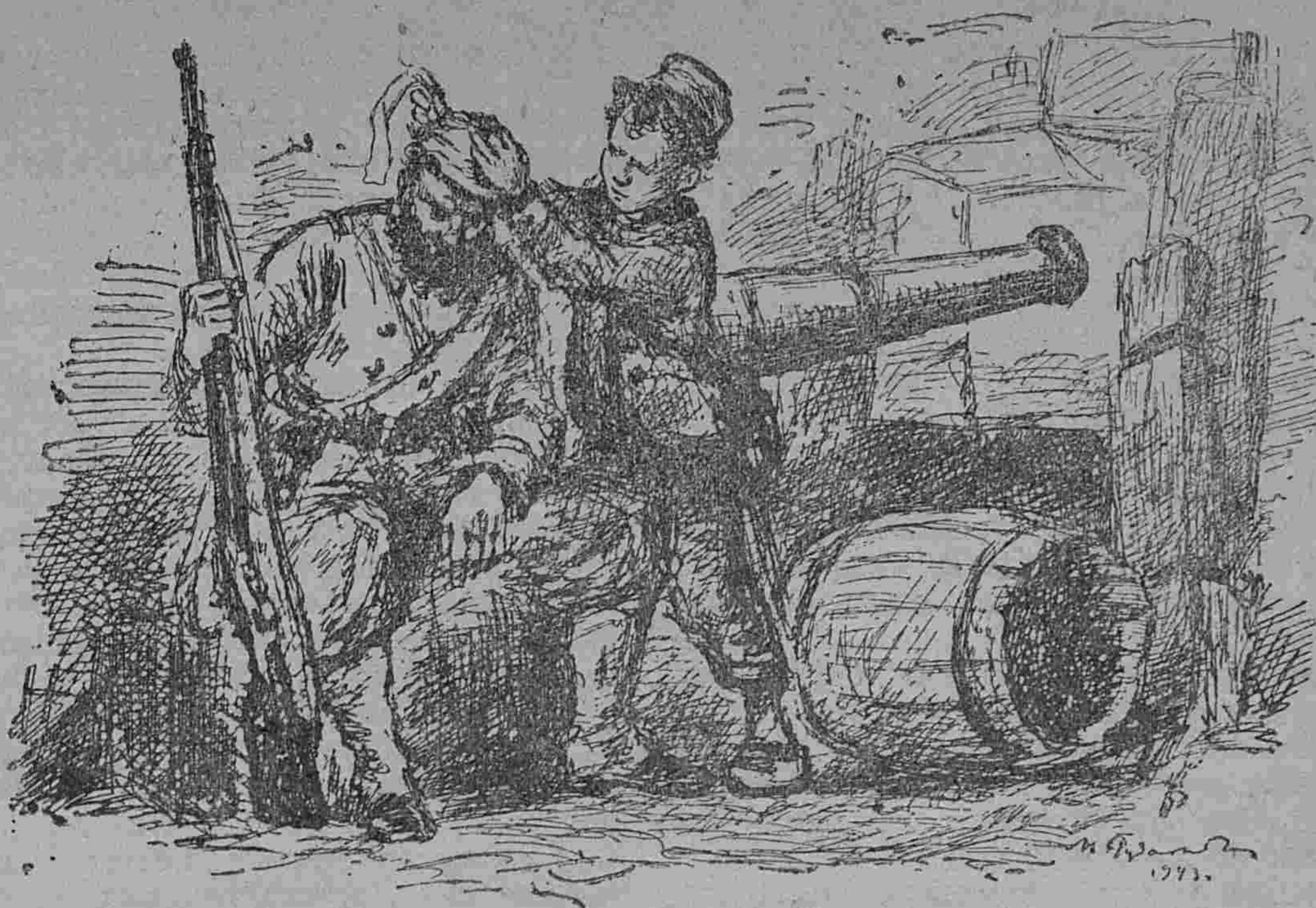
*Дорогой Андрей Александрович!*

*Мой папочка и два моих дяди погибли, защищая нашу любимую родину. Сейчас у меня осталась одна мамочка, и на фронте дядя — моряк-автоматчик. Прошу Вас, на мои сбережения, которые мне оставил папочка, уходя на фронт, в сумме 300 рублей, купить винтовку и автомат и передать смелому моряку — дяде Саше. Пусть он отомстит за все наше горе проклятому зверю — за папочку, за дядей и мамини слезы.*

*Пошлите ему винтовку и мою фотокарточку по адресу: Полевая почта 1980, часть 481, Александру Кирилловичу Нератисецу.*

*Моя мама работает управхозом. Я учусь в 21-й школе.*

*Чарухчан Варта.*



## В ОСАЖДЕННОМ ФОРТУ

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Е. Борогина

Рис. К. Рудакова

На южной окраине Парижа, близ старинного замка, находился форт. Он был в руках защитников Коммуны. Огнем своих пушек форт не давал войскам версальцев, осадивших восставший Париж, возможности захватить важные дороги и прорваться к городским укреплениям.

Наконец, версальцы решили во что бы то ни стало разрушить форт и взять его штурмом.

В конце апреля, когда пышно распустились деревья в старинном парке подле замка, версальцы начали свою артиллерийскую атаку.

Шестьдесят самых больших осадных пушек трое суток били по форту. Тысячи снарядов, гранат, ядер с визгом и грохотом рвались на бастионах форта, проламывая брешь в толстых каменных стенах. Черный пороховой дым застилал поле сражения. Форт отвечал из всех своих пушек. Но поединок был неравный.

От непрерывного артиллерийского огня ряды защитников форта таяли с каждым часом. Половина пушек на бастионах была выведена из строя. Но два десятка орудий

форта попрежнему держали под крепким запором дороги, ведущие к Парижу.

На исходе третьих суток боя, под прикрытием артиллерии, батальон версальцев ворвался в парк. Несколько десятков стрелков-коммунаров, защищавших земляные траншеи, скрылись в бастионах, чтобы оттуда вести огонь по наступающим врагам. Версальцы, заняв траншеи, начали стрелять по амбразурам форта разрывными пулями. Это была их очередная подлость.

На рассвете, когда комендант форта узнал о занятии траншей в парке, он приказал гарнизону заклепать пушки, а самим немедленно покинуть форт и отправиться в Париж. „Дальнейшая борьба бесполезна! — заявил он. — Нас окружают“.

Несколько защитников форта, главным образом артиллеристы, отказались подчиниться коменданту. Они сразу поняли, что приказ исходит от предателя и труса.

Среди горсточки храбрецов, решивших погибнуть в неравном бою, но не запятнать свою честь солдата Коммуны, оказался и тринадцатилетний мальчуган Дюфур — любимец артиллеристов.

Дюфур был воспитанником одного из домов Коммуны для сирот. Его отец — сержант Национальной гвардии — был убит немцами во время осады Парижа осенью 1870 года. Его мать, прачка, погибла от снаряда версальцев на одной из парижских улиц. Когда в начале апреля мальчики из детского дома пришли в форт, чтобы помогать рыть траншеи, Дюфур остался на одном из бастионов подносчиком снарядов.

В шутку защитники бастиона называли мальчика „Пти-Фур“. Он был самым младшим среди них, да и не велик ростом. Но когда мальчуган подносил к пушкам снаряды или картузы с порохом, он так старался, так спешил, что старик-артиллерист, большой его приятель, говорил:

— Пти-Фур! Ой, ой не горячись! А то, чего доброго, могут подгореть эти маленькие печенья... — и старик показывал на снаряды.

Все дружно смеялись над остротой артиллериста. Пти-фур означает по-французски и маленькую печь и маленькое печенье.

И вот рано утром, в последнее воскресенье апреля, гарнизон покинул полуразрушенный форт. Пти-Фур бросался в отчаянии то к одному, то к другому из оставшихся солдат и спрашивал: „как быть? что делать?“

— Продолжать сражаться, — отвечали те. — Живыми мы версальцам не сдадимся!

— А ну ка, Пти-Фур, помоги мне перебинтовать голову! — сказал старик-артиллерист, раненый накануне ночью. — Голова мне еще пригодится, — засмеялся он. — Там, в Париже, раскусят, что тут пахнет изменой

и вернут гарнизон. Не вешай носа, мальчуган!

Снаряды продолжали сыпаться на форт, — версальцы еще не догадались, что гарнизон покинул форт. Пять или шесть пушек продолжали отвечать версальцам. Красный флаг Коммуны реял над фортом.

Через амбразуру Пти-Фур видел трехцветные кокарды на шапках версальцев, засевших в траншеях парка.

Около полудня артиллерийский обстрел внезапно прекратился. Сразу стало удивительно тихо. Из траншеи в парке выскочил офицер-версалец с белым флагом в руке. Приблизившись к форту, он заорал:

— Эй! Предлагаем вам сдаться. Даем на это пятнадцать минут. Потом мы перебьем вас как крыс! — угрожающе прибавил он.

Молчание было ответом.

Только Пти-Фур, высунувшись до пояса в амбразуру, показал офицеру язык и крикнул:

— Эй! Версальские патриоты! Ваша храбрость пригодилась бы вон там! — И Пти-Фур показал рукой на восток, где вдоль предместий Парижа тянулась зловещая линия немецких оккупационных войск.

Град пуль ударил в стену рядом с амбразурой. Старик-артиллерист во-время схватил Пти-Фура за ноги и стащил вниз.

— Сынок! — сказал он. — Не горячись!

Молчаливый отказ сдаться напугал версальцев. Они не решились ворваться в форт.

Прошел час, два. Вестей из Парижа не было.

„Видно этот трус и предатель сумел убедить членов Коммуны, что наш форт не





может сопротивляться... — с горечью подумал мальчик. — Нам нечего ждать помощи...“

Пти-Фур невольно всхлипнул и потер глаза ладонью, закопченной порохом. Мокрые, грязные полосы остались у него на лице.

— Что, сынок, никак порох попал тебе в глаза? — ласково спросил его старый артиллерист.

— Ну и попал! — запальчиво ответил Пти-Фур, стараясь скрыть слезы.

— Не горячись! Не горячись! Слезы промывают глаза, а это полезно, когда на нюхаешься вдоволь пороху.

Но как ни бодрился и не балагурил артиллерист, Пти-Фур видел, что и он уже терял надежду на возвращение гарнизона.

Мальчик поднялся на одну из башен форта и вооружившись подзорной трубой, долго вглядывался в сторону Парижа. Но, нет, пустыни были зеленые поля, поросшие редкими кустарниками. Он осмотрел и парк, занятый версальцами. Как они близко! Ночью они ворвутся сюда...

В парке было тихо. Только ветер, теплый апрельский ветер, шелестел листвою вековых дубов и вязов, расщепленных снарядами. Не слышно было птичьего щебета — война изгнала из парка его крылатых гостей. Одни вороны, противно каркая, кружились над старым замком.

Пти-Фур поспешно спустился вниз, по темному сырому коридору добрался до каземата, где хранились картечь и порох. Он оставался здесь с полчаса. Потом он прокрался в один из покинутых бастионов. Здесь не было ни души. Только пушки, заклепанные утром, молчаливо смотрели в полуразрушенные амбразуры.

Пти-Фур обошел бастион, что-то разыскивая. В одном из темных углов стояла тачка, на которой подвозили к орудиям снаряды. Она-то и была ему нужна.

Осторожно, стараясь не греметь, мальчуган покати тачку к каземату, где он только что был. Вдруг Пти-Фур остановился. Чьи-то шаги, приближаясь, глухо отдавались, под сводами подземного коридора. Пти-Фур прижался к стене.

— Они в самом деле перебьют нас как крысы... — услышал он голос старого артиллериста. — Мальчишку нужно отослать в Париж. Куда это он запропастился? — бормотал старик.

— О, чорт! — выругался он, споткнувшись о тачку. — Кто ее тут бросил?

Мальчик замер, перестал дышать.

„Как! Старик хочет спровадить его в Париж... Ну, нет, ни за что!“

Артиллерист дошел до бастиона, откуда

Пти-Фур выкатил тачку, потом вернулся, прошел мимо мальчика.

— Он верно сам ушел! — продолжал разговаривать сам с собой старик. — Ну, что ж! Ему хочется жить...

Наконец шаги артиллериста замерли в отдалении.

Как мучительно хотелось Пти-Фуру броситься вслед за своим приятелем, сказать ему, что он здесь, что он никуда не ушел. Но страх, что артиллерист заставит его покинуть форт, был сильнее желания утешить старика, сильнее обиды, что тот мог подумать, что он, Пти-Фур, убежал от опасности.

Уже вечерело, когда Пти-Фур оказался у входа в форт. Он все приготовил, что задумал. Оставалось ждать. При-Фур прислонился к каменной стене под сводами ворот. Стена была еще теплая от солнца. Это было так приятно. Ведь он здорово поработал и спина побаливала.

Мальчик то и дело пристально вглядывался в темнеющую даль полей. Иногда ему казалось, что он видит людей, целую толпу. Но это были только кусты, неподвижные кусты зацветающего шиповника.

Там, вот за этой зеленой равниной, исчерченной линией дорог, Париж... Всего в каком-нибудь льё.

„Сегодня воскресенье... — вдруг вспомнил Пти-Фур. — В „Комедии“ идет „Лекарь поневоле“ Мольера... Это напечатано в газете... Какая смешная пьеса...“

Орудийный грохот прервал его мечтания. То соседний форт вел смертельную дуэль с версальцами.

„А наш? Наш молчит!.. Нас предали,“ мальчик нахмурился и продолжал стоять. Орудийные вспышки освещали темнеющее небо. Потом опять стало тихо.

Пти-Фур сунул руку в карман куртки. Достал коробочку со спичками. Там было всего три спички.

„Ну, мне хватит“.

Мальчик поднял с земли божью коровку и подбросил букашку в воздух, приговаривая: „Лети скорей, лентяйка, домой. А то заблудишься. Видишь, как темно...“

„Наверное уже началось второе действие „Лекаря поневоле“. Это когда доктор говорит свою тарабарщину“, мальчик весело улыбнулся. И сразу же лицо его опять стало суровым, строгим. Он прислонился к стене, напряженно вслушиваясь в каждый шорох. Стена была уже совсем холодная.

Вдруг по ту сторону форта, из парка, послышались ружейные выстрелы. Сперва один, другой. Потом залпом, как будто стреляло много людей сразу. Крики. Опять залп. Снова одиночные выстрелы. Все чаще, чаще!

Сердце у Пти-Фура заколотилось. „Они уже идут!“ — шепнул он и шагнул к тачке. Пошарил по земле — в руке у него оказался конец толстого шнура.

Выстрелы все ближе, ближе... Пти-Фур достал из кармана спички, зажег одну.

— Кто там? — услышал он резкий окрик. Бряцание оружия.

Мальчик молчал. Опять выстрелы. „А интересно, нашла ли божья коровка свой дом?...“ подумал он. Справа мелькнули тени людей. Пти-Фур встал на колени перед тачкой. Топот бегущих людей все ближе, ближе. Спичка догорела. Пти-Фур зажег вторую. Руки у него чуточку дрожали.

— Кто там? — опять раздался окрик. — Идут свои!

Пти-Фур, не поднимаясь с колен и не выпуская из рук шнура, крикнул:

— Скажите пароль!

Несколько голосов ответило из темноты:

— Париж и Свобода!

— Так это вы! Вы! — мальчик бросился вперед, навстречу толпе людей.

Ворота за его спиной со скрипом открылись и человек с повязкой, белевшей на голове, споткнувшись, выругался:

— О, черт! Опять эта проклятая тачка! Как она сюда попала?

Старик артиллерист осветил фонарем тачку. — Да она полна пороха и картечи! — удивленно сказал он. — А вот шнур...

— Пти-Фур! Сынок! Где же ты? — вдруг радостно закричал артиллерист, пробираясь сквозь толпу солдат-коммунаров.

— Нет, вы посмотрите! Посмотрите! Каков мальчишка! — твердил артиллерист. — Он собирался взорвать вход в форт. Он не пустил бы сюда этих версальских шакалов...

Старик крепко прижал к себе смущенного мальчика.

— Да ведь ты бы и сам погиб, сынок! — сказал он.

— Ну и что ж! — с горячностью ответил Пти-Фур.

— Эх, Пти-Фур, не горячись, — голос артиллериста был притворно суров. — А я-то думал, что ты не забудешь позвать и меня умереть вместе с тобой...

— Я сумел бы умереть и один! — с гордостью сказал Пти-Фур.

Солдаты-коммунары закричали:

— Вот — это ответ! Bravo, мальчуган!

Они подхватили Пти-Фура на руки и с пением „Марсельезы“ внесли его под своды ворот, которые он собирался взорвать вместе с собой, чтобы не пропустить в форт версальцев.



М. Гостинов

Ухабы волн на ладожской дороге,  
Все небо в чистом, облачном снегу.  
Гремит сигнал. По боевой тревоге  
Я к пулемету верному бегу.

Встревоженно заухали зенитки,  
Разрыва в небе первое пятно.  
И пулеметных трасс цветные нитки  
Вплетались в голубое полотно.

Огня непроходимого завеса,  
Разрывов нераспутанный клубок.  
А там с аэродрома, из-за леса,  
Взлетел врагу навстречу ястребок.

Зенитки, закричавшие вначале,  
Захлебываясь в огненном дыму,  
Внезапно на мгновение замолчали,  
Чтоб дать дорогу другу своему.

Но только враг не принимает боя.  
Он хочет убежать от ястребка.  
Его не скроет небо голубое  
И редкие не спрячут облака!

Мы видим размалеванные знаки:  
Паучьи лапы, черные кресты.  
Он, уклонясь от лобовой атаки,  
Из пушек огрызался с высоты.

Он мечется, как крыса в крысоловке.  
Уже обороняться перестал.  
Вдруг ястребок одним маневром ловким  
Заходит неожиданно с хвоста.

И пулеметной очередью срезан,  
Огня багровой лентой перевит,  
Бесформенною грудой железа  
Вниз рушится разбитый „Мессершмитт“.

# О СМЕЛЫХ И ОТВАЖНЫХ



## В РАЗВЕДКЕ

Н. Лесохин

Однажды, поскрипывая полозьями по льду, скользили двенадцать белых фигур — разведчиков морской пехоты. Длинна январская ночь, но и путь разведчиков не короток. Уже чуть-чуть посветлело, когда лыжники, наконец, остановились. Впереди смутно чернел берег, тот самый берег, где укрепились немцы. Сюда, на фланг врага, был нацелен удар частей Красной Армии. Но чтобы бить наверняка, бить уверенно, надо было все разузнать об этих позициях. Вот для этого и шли в эту ночь балтийские лыжники.

Позади — тяжелые часы похода, а впереди — полный опасности и напряжения день. Тут среди торосов, на снегу лыжники замаскировались бесшумно и быстро. Боевой опыт научил разведчиков: залег — замри, застынь. Так поступили балтийцы и в этот раз. Они знали хорошо как беспощаден мороз, если человек неподвижно лежит. Но сегодня к уже знакомому крепкому морозу прибавилось новое испытание. Там, где зарылись в снег разведчики, оказалась вода. Предательская вода! она не шла потоком, не била ключом, а медленно просачивалась откуда-то снизу.

Когда люди почувствовали воду, стало уже светло. Противоположный берег оживился. Менять позиции было уже поздно: разведчиков сразу же обнаружили бы. И балтийцы продолжали лежать в воде, на лютном январском холоде. Капля за каплей, вода пропитывала верхнюю одежду. Потом вода просочилась до белья. Казалось тысячи игл вонзаются в тело. Нестерпимый холод поднимался к сердцу, мучительными судорогами сводил мышцы. Но двигаться было нельзя — лежи недвижно, медленно превращаясь в ледяную глыбу, как эти торосы рядом с тобой.

Но все перенесет человек, если он по-настоящему ненавидит врага. Как ни мучительна была эта пытка ледяной водой, балтийцы лежали. Напряженно, не отрывая глаз, следили за врагом. Они отмечали все: и передвижение воинских отрядов, и расположение траншей, и береговые укрепления, и проволочные заграждения, и те места, где, видимо, находились огневые точки, блиндажи, дзоты.

Часы шли за часами. Уже догорел короткий зимний день. Наконец темнота скрывает берег. Тогда разведчики с трудом оторвались от снежного ложа и встали на ноги. Теперь — обратно, к себе, в тепло, к друзьям! Это было так соблазнительно! Надеть лыжи, размять окоченевшие ноги и, наконец, согреться. Но прежде чем отправляться в путь, балтийцы продолжили разведку. Они обшарили все кругом и только потом направились домой. Ни один дзот, ни одна огневая точка не укрылись от их глаз.

И в этом был успех штурма, который на следующий день предприняли моряки.

## ГЕРОИЧЕСКИЙ РАСЧЕТ

Комсомольский пулеметный расчет Бухтиярова славился тем, что каждый его номер отлично знал пулемет и всегда был готов заменить выбывшего из строя пулеметчика. Когда отряд пехоты отбивал немецкие атаки, расчет Бухтиярова вел огонь метко и точно. Множество немцев полегло, сраженных беспощадным огнем. Но вот пуля врага смертельно ранила самого Бухтиярова. Он успел только сказать товарищам: „Не теряйтесь! Подпускайте гадов поближе и крошите их“.

Пулемет умолк, но умолк ненадолго. На место командира встал другой комсомолец — Алексей Власов.

Он подпустил врагов поближе и потом открыл огонь. Неожиданные пулеметные очереди встретили фашистов.

Тридцать минут вел огонь Власов. За это время он убил семьдесят немцев. И когда Власова ранило в руку, он продолжал стрелять. Не обратил он внимания и на вторую рану — продолжал упорно стрелять. „Не пройдет!“ Пулемет захлебнулся только тогда, когда Власов после третьего ранения потерял сознание.

Фашисты было уже поднялись, но пулемет снова застрочил. Теперь огонь вел подносчик патронов, краснофлотец Браставский. „Не пройдет, гады!“ Уже докрасна накалился ствол пулемета, и он умолк лишь тогда, когда навеки остановилось горячее сердце моряка...

Торжествуют враги: наконец-то замолчал страшный пулемет этих „черных дьяволов“.

Но оставался еще один боец этого славного расчета. Он не дрогнул, не пал духом, последний, четвертый номер расчета — Василий Бокарев. И когда фашисты бросились вперед, заколдованный пулемет опять застрочил, срезая врагов.

Но вот неподалеку разорвался снаряд. Осколки пробиты кожух пулемета, из него полилась вода. От перегрева расширился замок в пазах. Неужели пулемет вышел из строя? Проверил Бокарев пулемет, и видит — одиночными выстрелами стрелять еще можно. И ни секунды не колеблясь, балтиец стал бить одиночными выстрелами. Так моряк сразил еще четырнадцать немцев. Быть может он уничтожил бы еще больше врагов, но близко разорвался снаряд и Бокарева контузило — он упал без сознания.

Очнулся балтиец — видит пулемет совсем разбит. Конец? Уйти, пока это возможно? Нет. Есть еще винтовка. И комсомолец теперь уже из винтовки начал косить врагов. Так до конца оставался на своем посту Василий Бокарев, достойный боец этой стойкой четверки. Между тем атака немцев была сорвана. Подошло наше подкрепление и все, кто мог сражаться, бросились в атаку. С винтовкой наперевес бежал и Бокарев — последний из героической комсомольской четверки.

# РАССКАЖИТЕ НА ШИОНЕРСКОМ СБОРЕ



## О СНАРЯЖЕНИИ РАЗВЕДЧИКА

Многие пионеры и школьники в этом году снова едут за город, работать на полях и огородах, овладевать практически военными знаниями, необходимыми в походной жизни навыками.

Наверное многие из вас будут участвовать в военизированных играх, походах. Для этого следует знать как разбивают лагери на ночевку, в каких условиях приходится делать длительные переходы.

Прежде всего вы должны знать как снаряжаются для похода. Снаряжение бойцов проверено на длительном опыте: все учтено, ничто не забыто, все, что обеспечивает необходимое удобство и в бою и в походе.

В древние времена понимали, что воину необходимы хорошие условия похода, чтобы он ни в чем не чувствовал нужды. Но тогда воевали иначе, чем теперь.

В древние времена люди не знали окопной войны, артиллерийских дуэлей, мелких операций небольших частей. Обычно исход войны между двумя государствами решался одним крупным сражением. Армии обеих воюющих сторон довольно медленно сходились, и поэтому не было ничего неудобного в том, что один или несколько воинов имели в обозе конную повозку, в которую складывали все свои пожитки.

Но с тех пор как на полях сражений появилось огнестрельное оружие, каждому солдату понадобилось всегда иметь при себе некоторый запас патронов, пороха, пуль. Следовательно, бойцу понадобился ранец или патронташ, или газыри, словом, такие приспособления, в которые можно было спрятать боезапас.

Кроме того, с появлением огнестрельного оружия изменились и боевые порядки. Огромные армии древности уступили место более мелким отрядам, которые теперь действовали самостоятельно. Это значит, что солдат должен был иметь при себе все необходимое.

Ведь всегда могло случиться, что он долгое время будет находиться далеко от обоза. А человеку на войне нужно многое: помимо оружия ему нужен нож, кружка, ложка, смена белья, перевязочный материал, запас продовольствия. И мыло ему понадобится, даже нитка с иголкой пригодится, чтобы пришить оторвавшуюся пуговицу.

И все это надо так уложить, чтобы руки у бойца были свободны. В прежние времена солдаты укладывали в высокие военные шапки мыло и полотенце, а в кисточку темляка, который одевали на руку, чтобы не уронить саблю, помещали бинты и иод. Теперь для этого пользуются ранцем или заплечным мешком.

Много необходимых вещей имеют теперь бойцы Красной Армии. Но все эти вещи легкие, занимают мало места, и некоторые из них можно использовать для разных целей. Например, в котелок наливают суп, а крышка его—это тарелка для каши или мяса.

Полотнище палатки и плащ казалось бы, совсем разные вещи. Но теперь плащ бойца— в то же самое время полотнище палатки. Он так и называется „плащ-палатка“.

Так снаряжены все наши пехотные части. Но есть одна воинская профессия, которая требует особо надежного снаряжения бойца, а иногда и добавочных предметов. Это профессия разведчика.

Бойцы отправляются в разведку в любую погоду, в любое время дня и ночи. Они должны быть готовы к тому, что им придется не час и не два, а может быть сутки, а то и больше, затаясь, находиться вблизи врагов, не выдавая себя ни единым движением. Или порой разведчику приходится подолгу идти, чтобы выследить врага. Разведчик может попасть в самые непредвиденные условия, и поэтому он должен быть готов к любым неожиданностям. Он должен снарядиться так

предусмотрительно, чтобы не испытывать никаких неудобств.

Как же должен быть снаряжен разведчик? Как должен он быть одет и какие вещи необходимо ему взять с собой?

Прежде всего разведчик не должен мерзнуть. Значит, его одежда должна быть теплой и удобной. Он надевает либо спортивные



брюки, которые не стесняют его движений, либо галифе и гимнастерку. Сапоги у разведчика высокие, хорошо смазанные. Стальной шлем защищает голову разведчика от пуль. Зимой разведчик надевает поверх гимнастерки теплый ватник. Чтобы

не выдать своего присутствия врагу, разведчик облачается еще в маскировочный комбинезон.

Может статься, что пока разведчик будет выполнять свое задание, пойдет дождь. Поэтому разведчик берет с собой плащ-палатку. Его скатывают и прикрепляют поверх ранца или же носят через плечо.

Все продукты разведчик укладывает в ранец. Но в разведке ранец можно потерять, поэтому разведчик берет еще запас галет и шоколада, которых бы хватило не меньше, чем на два дня. Этот „аварийный“ запас он раскладывает по карманам. И, конечно, разведчик обязательно должен взять фляжку с водой. Чтобы вода лучше утоляла жажду, в нее кладут один-два кристаллика лимонной кислоты.



Направляясь в разведку, разведчик должен избрать не открытый путь, где его легко обнаружить, а такую дорогу, которая бы проходила через лес, ложбины, пустыри. Для этого он предварительно изучает ее по карте и намечает несколько наблюдательных пунктов. Значит, и карту он должен обязательно взять с собой. И не просто взять, а так, чтобы она не испортилась от сырости. Карту заворачивают в пергамент и укладывают в планшет. Но картой можно пользоваться, если есть компас или часы, — ведь надо точно знать, где север, где юг. Компас прикрепляют к планшету, а часы надевают на левую руку. Хорошо иметь часы со светящимся циферблатом — тогда, не зажигая огня, ночью можно узнать время.



Полезно стекло часов предохранить железной сеткой. Тогда при ударе оно не разобьется.

Но бывает так, что разведчик по разным соображениям не берет с собой карту. Тогда он составляет список разных предметов, по которым он будет ориентироваться. В этом случае он зарисовывает схему своего пути на „отчетную карточку“. А для этого он должен захватить с собой бумагу (плотную) и карандаш (только не химический).

Во время разведки бойцу приходится выбирать себе такие места, откуда видно возможно большее пространство. Он должен увидеть как можно дальше, разглядеть как можно больше. В этом ему очень поможет бинокль. Бинокль в футляре на ремешке должен висеть у него на груди.

Случается, что разведчику необходимо развести огонь: то нужно подать сигнал, то просушить одежду, то сварить пищу. Для этого нужны спички. Коробок спичек захватить не трудно. Но предохранить спички от сырости, иметь неотсыревшие спички не так то просто в условиях разведки.

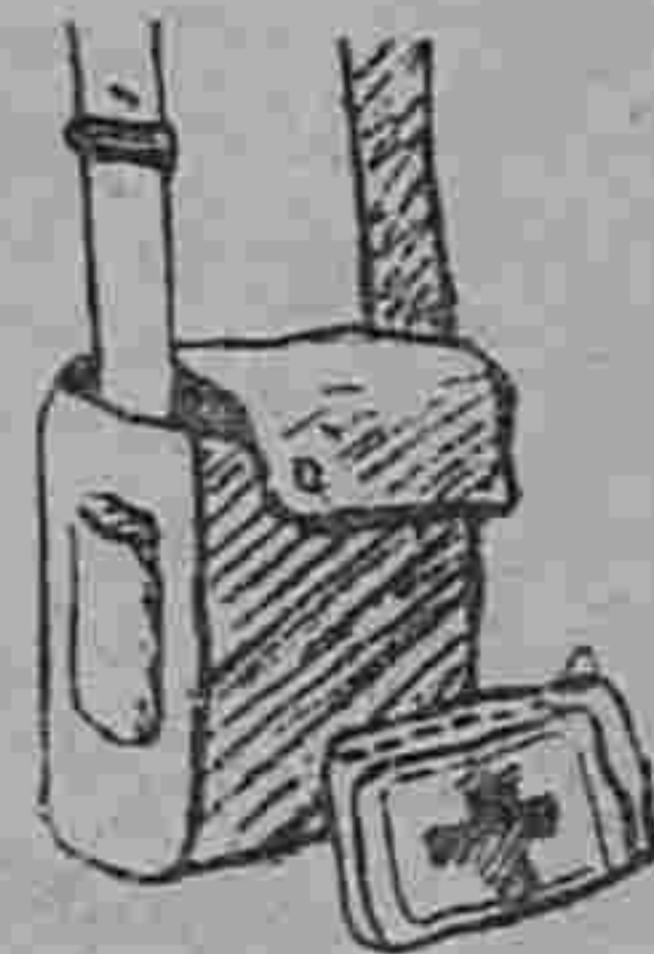


Чаще всего разведчики кладут неприкосновенный запас спичек в пустую гильзу от патрона и затыкают его резиновой пробкой. Но, конечно, не мешает иметь при себе и один-два коробка спичек. Если головки их предварительно окунуть в расплавленный парафин, то такие спички меньше боятся сырости, чем обычные.

Разведчик не должен забывать взять с собой веревку. Она понадобится ему тогда, когда придется сделать из бревен мост через канаву, или маленький плот, или даже связать пленного врага. Поэтому разведчик всегда хранит в ранце длинную, прочную веревку.

В ранце разведчика, кроме запаса пищи, веревки, обязательно найдутся и медикаменты: индивидуальный пакет, иод.

Разведчику нужен нож. В умелых руках нож — грозное оружие. Если, например, разведчику надо снять часового или дозорного, он не воспользуется ни револьвером, ни винтовкой, ни гранатой. Грохот выстрела неминуемо вызовет тревогу. А удар ножом бесшумен, он не привлечет внимания окружающих. Нож верный друг разведчика. Нож пригодится и для того, чтобы перерезать провода, приготовить пищу, открыть банку консервов, развести костер. Нож всегда должен быть под рукой. Финский или складной английский нож разведчик всегда носит в ножнах на поясе. Разведчик в любую минуту может оказаться лицом к лицу с врагом. И он должен быть готов в любую минуту защищаться и нападать. Поэтому самое удобное оружие — скорострельные, автоматические, многозарядные пистолеты — пулеметы: ППД или ППШ.



Обычно разведчик несет в правой руке заряженный автомат, но с включенным предохранителем или подвешивает его на груди. Две-три гранаты на поясе в особых чехлах, револьвер или пистолет и противогаз завершают боевое снаряжение разведчика.

# СЫН РЫБАКА

Евгений Федоров

В лесу, на берегу озера стояла рыбацкая хижина. Жили в ней рыбак Нестор Васильевич с женой и сынишкой Митей, шустрым мальчуганом лет двенадцати. Хуторок этот лежал вдали от больших дорог, — немцы заходили сюда редко и случайно. Зато частенько здесь появлялись партизаны. Так приятно после блуждания по лесам обогреться в теплой избе, пропарить на горячей печке натруженные кости. Нестор Васильевич приносил мороженую рыбу и хозяйка готовила вкусную уху. Потрескивала горящая лучина. За печкой верещал сверчок. Все в маленькой избушке напоминало доброе старое время, когда в этих родных местах не рыскали немцы, когда у каждого был свой дом, очаг...

В зиму 1941 года выпали глубокие снега, трещали жестокие морозы. В такую пору погреться в избе особенно приятно. Иногда, чтобы доставить своим друзьям удовольствие, рыбак топил баньку.

Хозяева всегда приветливо встречали партизан. Но больше всех приходу этих отважных, мужественных людей радовался, конечно, мальчуган. Он жадно слушал рассказы о схватках с врагами. А потом ночью Митя долго не мог уснуть. Вот если бы ему самому уйти в лес с партизанами, самому бить ненавистных немцев! Сколько раз мальчик упрашивал партизан взять его с собой в лес. Но обветренный, обожженный морозами командир партизанского отряда всегда добродушно отшучивался:

— Мал ты, мальчонка. Да и у мамки поток слез после этого прольется.

Так и не взяли.

Оттращали крещенские морозы. В феврале ночи стали лунными, поголубели сугробы, но зима упрямо не сдавалась. В лесу и в полях царил стужа.

В один из таких дней под вечер на рыбацкий хуторок нагрянули немцы и остановились на ночлег. В избе Нестора Васильевича фашисты расположились как дома. Они заставили хозяев сытно накормить их. Толстощекий офицер с багровой картошкой вместо носа после ужина развалился на хозяйской постели и грубо сказал рыбаку:

— Твой может спать на голый пол.

Нестор Васильевич смолчал. Он исподтишка поглядывал на часового, которого немцы выставили у порога; руки рыбака дрожали. Второй немец без спросу надел на себя хозяйский тулуп, стащил с печи валенки и ушел во двор караулить.

Перед сном немцы обшарили весь дом и отобрали у хозяев всю обувь. Они заграбастали даже митины валенки. Все это лейтенант запихал в шкаф, закрыл на ключ, а ключ отдал часовому.

— Чего это они? — шопотом спросил Митя у отца.

— Они ловят партизан, — тихо ответил отец. — Боятся, что мы их предупредим.

В избе стало тихо, тихо. Только храп немцев нарушал тишину. Казалось заснули все. Даже часовая, что сидел на скамье подле двери, и тот клевал носом.

Одному мальчугану не спалось. Он ворочался, кряхтел, как старик, вслушивался в каждый шорох. Вот за окном под ногами фашистского часо-

вого поскрипывает снег. Немец на морозе похлопывает рукавицами и как-то по-собачьи скулит песенку. Часовой в избе отвалился к стене и захрапел. Но и во сне он цепко держит автомат.

Томительно тянулось время. Далеко за полночь в дверь кто-то поцарапался, со двора ворвались клубы морозного воздуха — это вошел немец. На усах у него намерзли желтые сосульки.

Вошедший опустился на пол у печки и стал греть спину. От тепла его сильно развезло, глаза стали слипаться. И вскоре дремота поборола и его.

А Митя все не спал. Он думал: надо предупредить партизан!

И вот мальчуган раза два чихнул. Немцы продолжали храпеть. Тогда Митя шумно зевнул. Немец у печки открыл глаза, но сейчас же снова смежил отяжелевшие веки.

— Пора! — решил мальчуган. — Нельзя медлить!

Он быстро выскользнул из-под шубейки и, как зверек, юркнул к двери. Осторожно нажал на нее. Дверь поддавалась...

В последний миг он заметил, как отец быстро поднял голову и пристально поглядел на него. У Мити остановилось сердце. Но отец моргнул ему глазом и мальчуган понял: живее!

Как холодно на дворе! Колючий ветер, словно иголками, зло колот босые ноги.

Митя босиком помчал по снегу.

Над голубыми снегами катился большой серебряный месяц. Впереди зубчатой каемкой темнел ельник.

Мальчуган бежал.

Леденящий ветер сковывал его дыхание, обжигал ноги. Но Митя все мчал и мчал...

Он бежал два километра. Он чувствовал: силы его покидают. Только бы добежать, предупредить друзей... Вот он уже совсем близко у цели. Еще немного и он будет у партизан. Но на лесном перепутье, у старой высокой ели мальчик упал в снег. Встать он не мог: он потерял сознание.

Его подняли бородатые люди в заиндевелых ушанках, оттерли снегом. Митя открыл глаза и узнал знакомое лицо командира.

— На хуторе немцы, — тихо сказал Митя. — Они идут сюда,

— Спасибо, малец, русское спасибо! — просто сказал командир. — А теперь обогрейте его! — обратился командир к партизанам.

Мальчика бережно укутали в полушубок и кто-то отнес его в землянку. Как тепло было здесь! Какой-то бородатый человек подошел к Мите и влил ему в рот жгучую жидкость, она приятным теплом растеклась по телу.

Как заснул Митя, он не помнил...

Утром немцы по лыжному следу пришли в лес. Но захватить врасплох партизан фашистам не удалось. Гитлеровцев встретил шквальный огонь партизанских пулеметов и автоматов.

И ни один немец не ушел: все фашисты легли у партизанской засады.

За пулеметом сидел сам командир. После жаркой работенки он утер пот и, вспомнив мальчишку, сказал вслух:

— Спасибо, малец! Спасибо, братишка!

Это были самые необычные пассажиры поезда „Москва — Ленинград“, которых мне когда-либо доводилось видеть. Это были самые неприятные путешественники: тысяча сто пассажиров умещались на двух плацкартных местах! Это были самые беспокойные путешественники: пассажиры всего вагона все четыре дня пути хлопотали о них...

Когда в Москве я подошел к своему вагону, я заметил, что у входа происходит какое-то замешательство. Оказалось: проводник не пропускал носильщиков с их поклажей — восемью большими ящиками. В этом не было еще ничего удивительного. Но удивительно было то, что носильщики утверждали, что это не багаж, а пассажиры. И в подтверждение показывали две плацкарты.

Пассажиры в ящиках! Это было слишком странно. Недоразумение разрешилось только тогда, когда две женщины, обладательницы ящиков, дали подробные разъяснения.

Понятно, что странные пассажиры возбудили всеобщее любопытство. Но вот поезд тронулся. Хозяйки таинственного багажа разместились в своем купе, разложили свои ящики и вскоре все мы узнали, что за пассажиры едут с нами.

Они оказались... морскими свинками и белыми мышами.

Сто прелестных морских свинок, белых с коричневыми подпалинами и тысяча шустрейших маленьких белых мышей с красными бусинками-глазами ехали из Москвы в Ленинград. А везли их две сотрудницы Института вакцин и сывороток.

Этот институт готовит разные бактериологические препараты — вакцины и сыворотки, которые предохраняют людей от болезней, например, холеры, брюшного и сыпного тифа, дизентерии и других заразных болезней.

Когда человек или животное за-

## Необычайные путешественники



болевают, например оспой, его организм вырабатывает противоядие против этой болезни и переболев, становится невосприимчивым к этой болезни.

Известно, что если здоровому человеку ввести сыворотку оспы переболевшего человека или животного, то такому человеку болезнь становится менее опасной: он или совсем не заболевает ею или легко справляется с ней.

Такие сыворотки и вакцины готовят на разных животных.

До войны в Ленинграде при институте был один из самых крупных питомников в Союзе. Но за время блокады многие животные погибли, а тех, что остались, не хватало.

Чтобы пополнить питомник животными, институт командировал двух своих сотрудниц в Москву.

И вот тысяча сто путешественников ехали из Москвы в Ленинград. Животные помещались в особых ящиках с сетками, которые пропускали воздух и свет. Ведь морским свинкам и мышам это так же необходимо, как и людям. Сотрудницы института везли с собой изрядный запас пшена, булки, чтобы кормить в пути своих питомцев. Даже шерстяные одеяла были припасены — ведь дело происходило зимой, а мыши и свинки животные нежные и мороз им не нравится.

Несколько раз в день происходило кормление зверюшек. И все

пассажиры вагона наперебой предлагали свои услуги. Кто помогал открывать ящик, кто на очередной станции с чайником или кувшином отправлялся за водой, чтобы напоить животных. Почтенный солидный командир с бородой очень деловито брал кувшин и шел в поход за водой.

Морские свинки и мыши очень любят свежее сено. А сена как раз хозяйки с собой не взяли. „Не беда, говорил молоденький лейтенант, что-то, а уж сено-то мы раздобудем на станции“.

Проводники любезно предупредили, когда поезд должен был стоять долго, и лейтенант с сотрудницей института отправились за сеном. И верно, сена, душистого, свежего сена они принесли вдоволь. Ездовые из фронтовых частей, колхозные возницы с радостью дали сено, когда узнали для чего и кому оно нужно.

А какой переполох поднимался в вагоне, когда хозяйки ящиков принимались за чистку помещений своих питомцев. И свинкам и мышам хотелось вырваться из тесноты „на волю“ и они всячески норовили улизнуть. Тут всем находилась работа. Кто удерживал почуявших волю зверюшек, кто выносил сор, кто ловил беглецов.

А мыши не дремали и, вырвавшись, проворно ускользали от множества преследовавших их рук. Они улепетывали под лавки, они шныряли по коридору. И проходило немало времени, прежде чем удавалось водворить их всех по местам.

Наконец, на четвертый день, когда поезд подошел к берегу Ладожского озера, ящик с маленькими путешественниками заботливо завернули в теплые одеяла и погрузили на машину, чтобы доставить их в Ленинград. А там, в институте, животные должны были помочь людям бороться со страшным злом — заразными болезнями.

А. Клячкин



### „МЫ ПРИШЛИ ИХ БИТЬ, А НЕ СЧИТАТЬ!“

В Семилетнюю войну Суворову было поручено с сотней казаков наблюдать за движениями войск прусского генерала Платена и по возможности затруднять их.

В одну ночь Суворов сделал переход в сорок верст и скоро очутился перед неприятелем. Впереди река, моста нет,

— Вперед! — крикнул будущий полководец и первый бросился в воду.

Казачья последовала его примеру и вплавь переправились через реку.

Перед ними город Ландсберг.

— Город наш! Ура! Нападем! — воскликнул Суворов.

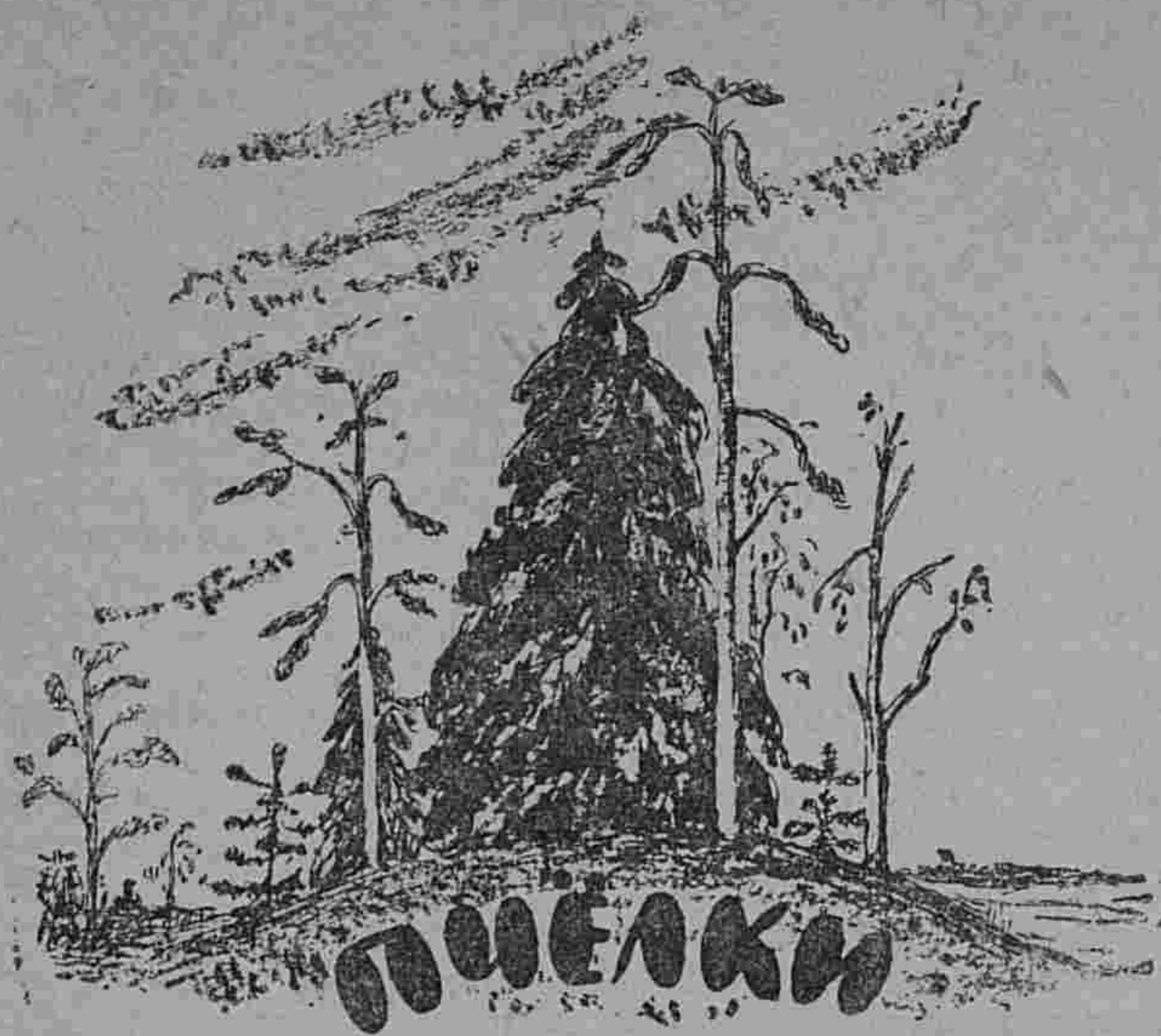
— В городе прусские гусары, — возразили ему.

— Помилуй бог, как хорошо! Их-то мы и ищем!

— Не прикажете ли узнать: сколько их?

— Зачем? — отвечал Суворов, — мы пришли их бить, а не считать!

И прусские гусары были разбиты и захвачены в плен.



Л. Успенский

Рис. И. Астапова

Лежу я как-то на своей точке и наблюдаю за опушкой вражеского леса.

Есть на этом участке такой мысик, что ли. Роща отличных деревьев—вековых елей и сосен, вроде как опередила остальных своих товарищей и выступила два шага вперед—на поляну, к ручью.

Кругом—веселое место. Солнечный скат, много цветов. Трава внизу по пояс. Розовеет ситцевым цветом своим иван-чай. Сине желтая иван-да-марья шубой стала. Под кустами клевер с мышиным горохом перепутался, развешаны нежные колокольчики... Где посырее—кружевеет валерьяна, смотрят душистые глазки беловзора. А в виде подлеска кустится молодая липа. И цветет. И благоухает. И над всей поляной колышется влажный, пьяный, душистый лесной зной. Щепкой пахнет, земляникой...

Видимо, еще задолго до войны нашлась лесная душа, которая не только умилилась красотой этой полянки, но еще решила из нее для себя и более осязаемую сладость извлечь.

На самую высокую ель той рощи, в гущу ее ветвей кто-то втащил пчелиную колоду. Улей. Борт. Втащил и очень толково упрятал. Но с моей „точки“ борт эта все же немного видна.

Правда, леток ее обращен, как полагается, на юг, значит, от меня в сторону. Но все-таки в погожий солнечный день мне заметно, как в этом месте из еловых ветвей все время словно дымок вырывается. Это работает, трудится, не жалея прозрачных крыльев, хлопотливое пчелиное „злое племя“; улетает, прилетает, жужжит...

Не знаю, как вы относитесь к пчелам, но я их люблю нежной любовью. И почему

люблю?—напоминает мне каждый улей нашу страну, шумную, дружную, обильную, мирную, безжалостную к врагам. Очень напоминает. А кроме этого—сам я родом из благодатных приуральских лесов. У нас лесное пчеловодство, бортничество с незапамятных времен процветает. И всегда народ относится к нему благоговейно, с особым уважением. Чужую борт в лесу разорить испокон веков считалось самым тяжким и отвратительным преступлением. Пчелы—дело святое. В плоть и в кровь за много поколений вьелось такое отношение

Лежа на своей точке, я все поглядывал на большую ель и все радовался: „Ах, славно! Вот славно-то! Сильная, видно, семья живет; ключом кипят пчелы.“

Но вот что случилось однажды.

Как-то раз я занял свою налаженную позицию, и довольно скоро заметил в той роще-мыску какое-то движение. Лес там очень густ, так густ, что видеть я, собственно, ничего не вижу, но наметанное мое чутье мне подсказывает: что-то там такое происходит.

Забеспокоился я. Всматриваюсь, вслушиваюсь. И наконец устанавливаю: трое немцев вознамерились взобраться на одно из деревьев той рощицы. И, представьте себе, именно на то самое, где в июльских горячих лучах, в целом море зноя, купается моя пчелиная республика.

Надо сказать, что в первые минуты я понял это их намерение по-военному. Мало ли? Дерево высокое, место удобное... Отличная наблюдательная вышка будет. Дураки только фридрихи, что не соображают, сколь беспокойное у их корректировщика соседство получится. С пчелками. Ну, думаю,—это, конечно, их дело, а мое дело—принять в устройстве этого наблюдательного пункта посильное участие, по-своему.

Начинаю внимательнейшим образом следить за стволом ели. Но скоро замечаю, что проклятые фрицы тоже кое-что в делах понимают, и так по ели вверх ползут, что из-за ее толстого в три обхвата ствола мне их совершенно не видно.

А ствол у этого дерева, надо заметить, внизу и вверху густо порос ветвями, в середине же намечается редина, пережина. Тут суки, метров на четыре или пять погонных, почему-то несравненно реже выросли. И они, немцы, это незащищенное пространство проходят с особой осторожностью, за стволом.

Все это так. Но как бы они там не осторожничали, в глаза мне бросается одно: ползет передний немец, и хоть самого я



его и не вижу, но замечаю, что от него все время относит ветром легкий голубоватый дымок. А так как ветер южный, то этот дым начинает до меня доносить.

Ах, немчура поганая! Да ведь это вы, пожалуй, не наблюдательный пункт сооружаете, а решили моих пчел разорить! Чужую борть! Меду русского захотели...

Не смей, немец, трогать! Убью!

Убить-то убью, но как? Ствол толст. Закрывает от меня грабителей. А я вижу, что их там трое ползет, и все трое с дымокурами.

И вдруг осенила меня счастливая мысль. Даже засмеялся. Подождите!

Теперь я сижу спокойно. И пропускаю разбойников беспрепятственно через открытое место. Им отсюда до борти уже только метра три-четыре, не более. Зато вниз...

И я веду, не торопясь, своей винтовочкой вверх, дохожу до серого края колоды и прицеливаюсь сбоку в самый ее нижний торец, в толстое, сантиметров в десять, деревянное донце. Ну, пчелки, извините. Не посетуйте на меня! Прицелился и аккуратно выпустил три пули.

Вы представляете себе, что неминуемо должно получиться, после того, как неведомая рука три раза с силой ударит по старой борти? После того, как пулей отколет порядочную шепу? Эх, немцы, немцы! Не хотел бы я быть на вашем месте! Разве от разъяренного „злого племени“, сидя на дереве, дымокурочками спасешься? Ничего вы в лесных делах не понимаете!

Тот фриц, который в это мгновение был еще против редкого места, он, видимо как то успел докатиться кубарем до земли. Но тут пчелка на него так начала пикировать, что он, потеряв глум и ум, вместо того, чтобы бежать в лес, вырвался прямо на поляну. На всем виду, позабыв про все, он с воем бросился в траву, стал кататься по ней, взбрыкивать ногами, рвать на себе одежду. А кататься по травке под носом у снайпера уж по меньшей мере неосторожно! Пчелы калили его, и я ужалил.

С теми же немцами, которые забрались выше, дело получилось то же. Знаете ли вы что такое разъяренный рой пчел, особенно, если у тебя руки заняты, если ты не можешь никуда убежать, скрыться?.. В таком случае рой пчел это — смерть.

Так получилось и здесь. Недели через две, когда мы заняли эту полянку, нам вся картина сделалась ясной.

Один из немцев не выдержал адской боли и рухнул вниз. Ему как-то помогло пролететь через суки и упасть на землю. Но по дороге он сломал себе руку, ногу, челюсть и разорвал сонную артерию на шее. Он дополз все же до ближайшего куста бузины, но там пчелы его разыскали и покончили.

Второму же фашисту и этого не удалось сделать. Один из еловых суков крепко подцепил его за китель, точно хотел сказать: „Куда, куда? Постой!“ А отцепиться ему не позволило „злое племя“. Ведь от двух десятков пчелиных укусов околевает хорошая лошадь.

Когда мы пришли потом в этот лес, мы долго не могли разыскать этого третьего немца. Он лежал на дереве, на его суках, спиной. Руки и ноги его свешивались вниз. Их раскачивал ветер. Лицо его... а, что там говорить о лице!

Но это было потом. А в тот день я до самого вечера вглядывался в свою ель. Вплоть до позднего обеда пчелы все еще облаком густились над ней. Потом приближение вечера их угомонило.

Часов в шесть я поднял глаза к небу. „Крк-крук!“ донеслось до меня оттуда. Огромный, темно-синий ворон упал сверху на еловый лес. Кто их ведает воронов, как они узнают о том, что происходит внизу, — но узнают они точно.

И увидев, как он, опустившись на вершину дерева, осмотрелся, и словно хирург, готовящий к операции инструмент, деловито обтер о смолистую кору свой клюв могильщика, я отложил винтовку в сторону. Мое дело было кончено.



# Знаешь ли ты, что...

... В 1878 году в бою вблизи батумского рейда русские моряки впервые применили торпеды и потопили неприятельский корабль водоизмещением в 700 тонн.

... На 10 000 000 частей чистого воздуха достаточно прибавить одну часть слезоточивого газа, чтобы заставить противника надеть противогаз.

... Американцы говорят, что никогда не следует забывать о двенадцати вещах: ценности времени, успехе настойчивости, удовольствии работы, величии простоты, значении силы характера, могуществе любезности, влиянии примера, обязанности долга, мудрости бережливости, доблести терпения, росте таланта, радости изобретения.

... 27 марта 1943 года при налете английской авиации на Берлин было сброшено 900 тонн бомб —

вдвое больше, чем было сброшено при самом сильном налете фашистской авиации на Лондон.

... Через 48 часов после занятия союзниками Бенгази, туда был доставлен морем миллион баллонов бензина.

... В одну только мартовскую ночь в Средиземном море между Гибралтаром и портами, через которые шло снабжение союзных армий, находилось суда общим водоизмещением свыше миллиона тонн.

... Ежедневно в море находится 2500 британских кораблей; каждый день около 200 кораблей покидают и прибывают в британские порты.

... По мнению американцев, германский подводный флот состоит из 400 подводных лодок; из них около 100 находится в море.

... Подводная война приняла огромный размах; по мнению британского морского министра потоплено или повреждено более 530 подводных лодок держав оси.

... Фашисты начали подводную войну в сентябре 1939 года потоплением пассажирского парохода „Афиния“.

... В Британском Воздушном Флоте служит, главным образом, молодежь: средний возраст летчиков — 20 лет. Летчики бомбардировочной авиации считаются почти старыми в 30 лет; а летчики береговой авиации — в 35 лет.

## СОДЕРЖАНИЕ

|   |    |  |    |
|---|----|--|----|
| Невидимка. Повесть С. Хмельницкого, С. Полоцкого и В. Воюводина. Рис. В. Конашевича . . . . . | 2  | Расскажите на пионерском сборе:                                      |    |
| „Выстояв, мы победили смерть“. Очерк Н. Владимирской. Рис. Т. Цинберг . . . . .               | 6  | О снаряжении разведчика . . . . .                                    | 18 |
| Премудрая сова. . . . .   | 7  | Сын рыбака. Расск. Евг. Федорова . . . . .                           | 20 |
| Зоя Бекетова. Е. Ковалерчук. Рис. Н. Петровой . . . . .                                       | 8  | Необычайные путешественники. А. Клячкин. Рис. Т. Цинберг . . . . .   | 21 |
| Война зимой. Очерк М. Михайлова. Рис. Ю. Мезерницкого . . . . .                               | 10 | „Мы пришли их бить, а не считать“ . . . . .                          | 21 |
| Подарок ленинградской пионерки . . . . .  | 12 | Пчелки. Расск. Л. Успенского. Рис. И. Астапова . . . . .             | 22 |
| В осажденном форту. Расск. Е. Боронцовой. Рис. К. Рудякова . . . . .                          | 13 | Знаешь ли ты что? . . . . .  | 24 |
| Воздушный бой. Стих. М. Гостинова. Рис. Т. Цинберг . . . . .                                  | 16 | Русская пехота. Рис. Н. Петровой. 2-я страница обложки               |    |
| О смелых и отважных. Н. Лесожин.  |    | Оружие наших предков. Рис. В. Конашевича. 3-я и 4-я страницы обложки |    |
| В разведке . . . . .  | 17 |  |    |
| Героический расчет . . . . .  | 17 |  |    |

На обложке рисунок А. Пахомова: „Письмо с фронта.“

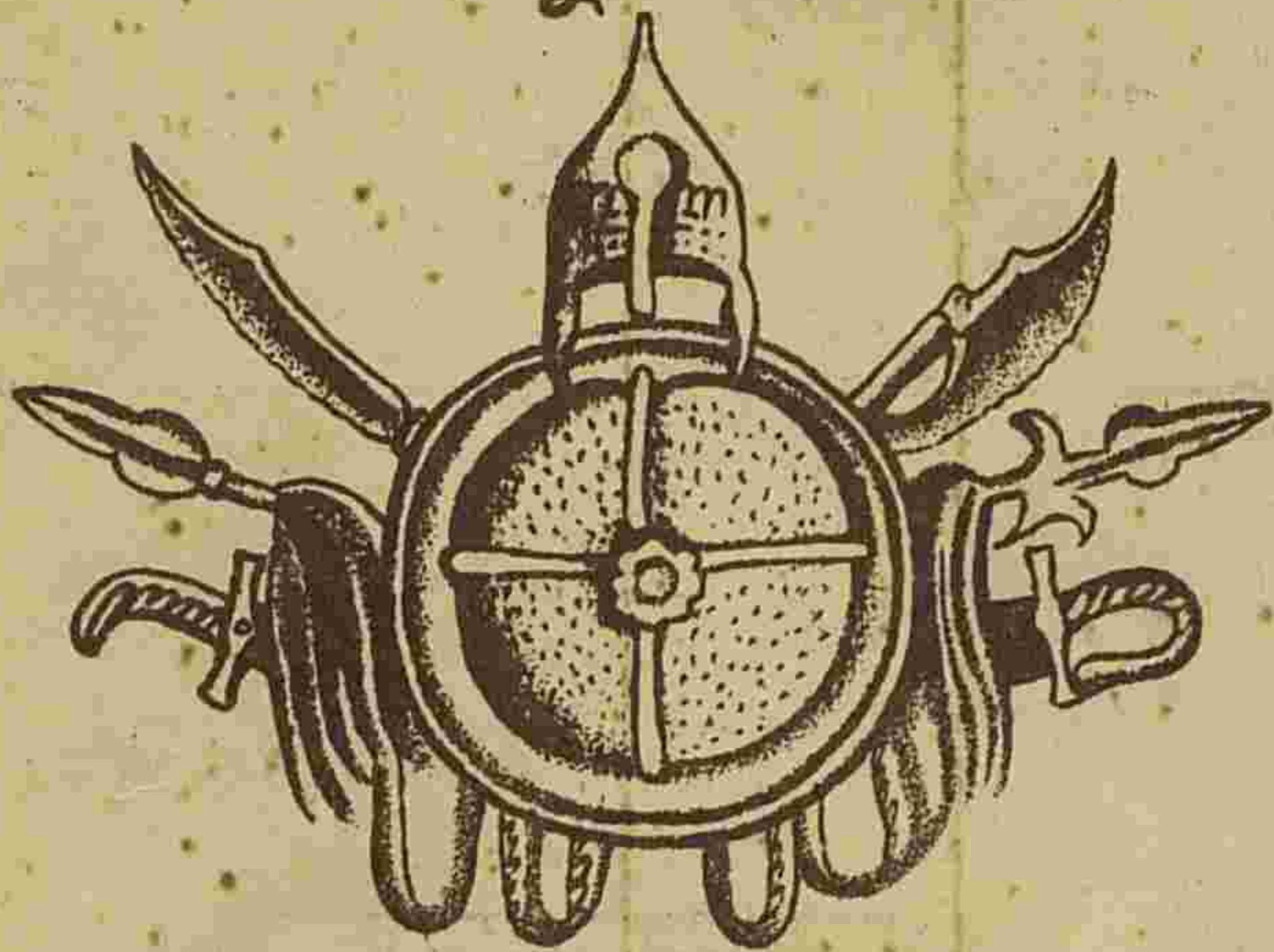
лс №-9843

Обм. № 1958 г.  
Акт РП-58

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, УЛ. ПРОЛЕТКУЛЬТА, 2.  
Непринятые рукописи не возвращаются.

Зам. отв. ред. Н. ТЕРЕБИНСКАЯ

# О Р У Ж И Е



## Н А Ш И Х П Р Е Д К О В

Россия соединяет Европу и Азию. Издревле по землям, на которых жили наши предки, пролегали важнейшие сухопутные и речные дороги. Отдельные люди и целые племена „с добром и с худом“ стучались в наши ворота. Очень рано деды наши начали защищать родной дом, свою „отчину“ и отстояли его от всех врагов на протяжении долгого ряда столетий.

Самое разнообразное оружие применяли они в жестоких битвах с иноплеменными.

Уже ко времени Александра Ярославича Невского оно стало и разнообразным и совершенным по своим качествам. То, что русские жили на пути из Европы в Азию, позволяло им перенимать опыт и азиатских и европейских народов, и развивать его на свой, чисто русский лад.

До XIV века огнестрельного оружия не знали нигде; зато остальные виды его размножились чрезвычайно.

Русские воины умело пользовались в дальнем бою луками и самострелами, стрелы к которым носили в богато украшенных открытых футлярах—„саадаках“ или „колчанах“. Сближаясь, пускали в ход метательное копье. В рукопашной кололи врагов длинными и острыми копьями с отличными стальными, узкими наконечниками, рогатинами, на древке которых укреплялись обоюдоострые ножи, протозанами-копьями с поперечинами прямой или полулунной формы.

Для рубки, для ударов наотмашь применялись различного вида топоры: бердыши,

с серпообразным лезвием, чеканы, напоминавшие молоток с длинным, острым и изогнутым обухом; конные воины имели короткие топоры или болты. Той же цели служили всевозможные виды ножеобразного оружия: короткие и длинные обоюдоострые мечи, искривленные сабли. Когда в тесноте жаркой свалки нельзя было размахнуть мечом или саблей, в дело пускался ручной нож. Искусством владеть этими ножами—„засапожниками“ особенно славились новгородцы и псковичи, которые кидались под ноги вражеским коням и распарывали им брюхо.

Кроме рубящего и колющего холодного оружия русские воины широко пользовались и чисто ударным, происшедшим от первобытной дубины—палицей. Такие булавообразные палицы из тяжелого дерева или из металла носили название шестоперов, булав, перначей. Очень распространен был кистень—тяжелый шар с острыми шипами, подвешенный на короткой цепочке к небольшой как у кнута рукояти. В руках сильного и умелого человека все эти несложные орудия были страшными средствами борьбы.

В тридцатых годах XIV века появились первые „гремящие самопалы“ в Италии, Франции и других странах. Во время обороны Москвы от татар в 1382 году наши предки „тюфяки пускаше в них...“ Искаженное татарское слово „тюфиек“ означало ружье.

Сто лет спустя Россия имела уже и свою артиллерию и свое ручное огнестрельное оружие.

Сначала для всех видов артиллерии существовало одно общее слово „пищаль“. Были пищали ручные или „ручницы“, их носили за спиной. Были „затинные“—большие пищали: они применялись на грубых станках, деревянных или чугунных и соответствовали нашим пушкам.

Из ручниц вскоре развились многочисленные виды ружей—недомерки, или укороченные, винтовальные, двойные. Укороченные превратились затем в пистолеты и карабины. Обычные ручницы стали мушкетами и фузелями более поздних времен. Из этих длинных ружей, фитильных (то есть таких, где порох зажигался для выстрела фитилем), или кремневых стреляли обычно с подсошками, вилообразными упорами, на которые клали дуло—так оно было тяжело.

Из затинных пищалей выработались постепенно многочисленные типы артиллерийских орудий.

Цена 4 руб.

# Оружие наших предков

2  
41



Найдите на рисунке палицу с шипами, копьё, кистень, меч, нож-засапожник, бердыш; протазан, лук, саадак со стрелами, самострел, мушкет, подсошник для стрельбы из него, пистоль (пистолет), затинную пищаль.

РУ  
ПО  
НИ  
С  
Ч  
Д  
М  
В  
Ц  
Д  
Р  
а